

18+

Виктор Харебов
Сергей Харебов

The background features a complex, abstract visualization of the Shapovalov effect. It consists of multiple overlapping, glowing orange and yellow orbits that spiral and intersect. The central part of the visualization is a bright, multi-colored sphere with a grid-like structure. The entire scene is set against a dark blue background filled with numerous small, glowing orange and yellow particles, creating a sense of depth and dynamic movement.

ЭФФЕКТ
ШАРПОВ

**ВИКТОР ХАРЕБОВ
СЕРГЕЙ ХАРЕБОВ**

ЭФФЕКТ ШАРНХОРСТА

Из цикла «Эра Нулевого Континуума»

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Виктор Харебов, 2026

© Сергей Харебов, 2026

Октябрь 1985 года. В закрытом НИИ под Москвой группа физиков подтверждает гипотезу Шарнхорста: квантовый вакуум можно «раскачать», превращая флуктуации в источник колоссальной энергии. Теория мгновенно получает гриф «совершенно секретно» и становится основой проекта, способного изменить баланс сил и саму структуру реальности. Но вмешательство в ткань континуума открывает не только энергетические перспективы, а дверь в неизвестность.

18+

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Эффект Шарнхорста](#)

[ПРОЛОГ](#)

[ГЛАВА 1: Пепел Союза](#)

[ГЛАВА 2: Дачная «Шарашка»](#)

[ГЛАВА 3: Энергия из Ниоткуда](#)

[ГЛАВА 4: Призраки в подвале](#)

[ГЛАВА 5: Западный След](#)

[ГЛАВА 6: Иные Миры](#)

[ГЛАВА 7: Охота](#)

[ГЛАВА 8: Порог Реальности](#)

[ГЛАВА 9: Изгнанники](#)

[ГЛАВА 10: Забыть Землю](#)

[ЭПИЛОГ: Эффект Бабочки](#)

ПРОЛОГ

Октябрь 1985 года. Закрытый военный городок «Солнечный-7», Московская область.

Осень в этом году выдалась на удивление сухой и ясной. Золото берез уже облетело, устлав бетонные дорожки между корпусами шуршащим ковром, и воздух был прозрачный и холодный, как родниковая вода. Андрей Вольский быстро шагал к главному зданию института, пряча покрасневшие от бессонной ночи глаза за большими роговыми очками. В кармане его потертого портфеля лежала тонкая папка с грифом «Совершенно Секретно», содержащая всего несколько листов, исписанных убористым почерком. Сегодня решалась судьба всей его научной карьеры.

НИИ Астрофизики и плазменной динамики АН СССР формально числился гражданским учреждением, изучающим космические лучи и строение далеких туманностей. Неформально он был ключевым научным активом Министерства обороны. Высокий забор с колючей проволокой, три ряда охраны и полное отсутствие названия на картах говорили сами за себя.

К нему подошли двое в штатском, за ними – охранник с автоматом. Проверка документов. Взгляд автоматчика скользнул по его лицу и задержался на портфеле. Получив разрешение на вход, Андрей прошел через пропускной пункт, длинный коридор, поднялся на лифте на второй этаж и вошел в кабинет директора НИИ – центр принятия решений, где собирались главные разработчики и руководители проектов.

За длинным столом, покрытым зеленым сукном, сидели трое. Лев Векслер, доктор физико-математических наук, грузный, седой, с вечным дымком папиросы «Казбек», поднимающимся к вентиляции. Его глаза, умные и усталые, смотрели на мир с иронией человека, видевшего взлеты и падения теорий покруче этой. Рядом с ним, нервно постукивая карандашом по столу, расположился Михаил Светлов – инженер, гений эксперимента, человек, который мог спаять работающий прототип из консервных банок и радиодеталей, если того требовала теория. Напротив них, откинувшись на спинку стула, восседал грузный мужчина в штатском. Это был генерал КГБ Виктор Полунин, куратор всех перспективных разработок.

– Садитесь, Вольский, – голос Векслера был сух, как шелест бумаги. – Время не резиновое. Рассказывайте, что там у вас за «кипение вакуума».

Андрей положил папку на стол, открыл ее и, стараясь не выдать голосом дрожи, начал:

– Товарищи, коллеги... Лев Борисович, я доработал математический аппарат, основанный на гипотезе Шарнхорста о флуктуациях в квантовом вакууме.

– Шарнхорст? – перебил Полунин, его голос звучал низко, с металлическими нотками. – Немец?

– Физик-теоретик, – вмешался Векслер, выпуская клуб дыма. – Предложил интересную, хоть и безумную, модель взаимодействия света с «ничем». Продолжайте, Андрей.

Вольский замялся на мгновение и продолжил, водя пальцем по формулам, которые для присутствующих были родным языком:

– Мои расчеты показывают: если мы создадим сильно разреженную плазменную среду с определенными параметрами, практически глубокий вакуум, и облучим ее лазером строго заданной частоты и мощности, мы сможем «раскачать» виртуальные частицы. Фотоны будут не просто рассеиваться, а выбивать из состояния флуктуации реальные электрон-позитронные пары.

– Столкновение лбами? – оживился Светлов, перестав стучать карандашом. – Фотон бьет по виртуальной частице, и та становится реальной?

– Именно, Михаил Сергеевич! – глаза Андрея загорелись. – Это как если бы мы добавили энергии в систему настолько точно, что заставили пустоту «кипеть». А дальше – аннигиляция. Электрон и позитрон, встречаясь, уничтожают друг друга, выделяя чистую энергию по формуле Эйнштейна.

– Энергия из ничего, – хмыкнул Полунин. – Звучит как дьявольщина, товарищ Вольский. Или как вечный двигатель. А мы, знаете ли, материалисты.

– Это не из ничего, товарищ генерал, – возразил Андрей, набравшись смелости. – Энергия фотонов служит катализатором, «спичкой». А топливо – сам физический вакуум, его скрытая энергия. Система работает с минимальными энергетическими потерями, практически достигая теоретического предела. Мы получаем возможность черпать энергию из самой ткани мироздания.

В зале повисла тишина. Даже Векслер перестал курить, уставившись на листы с формулами. Светлов вскочил и начал ходить вдоль стола, бормоча: «Если так, то нужен лазер на свободных электронах, накопительные кольца, особый режим работы...».

Полунин медленно перевел взгляд с Вольского на Векслера.

– Лев Борисович, вы как академик? Это бред сивой кобылы или реально?

Векслер тяжело вздохнул, поправил очки и еще раз пробежался глазами по формулам.

– Знаете, Виктор Петрович, лет тридцать назад я бы сам отправил Андрюшу в дурку с такими идеями. Но квантовая механика... она, знаете ли, почище любого мистика будет. Если его уравнения верны... – он постучал пальцем по бумаге, – а я пока ошибок не вижу, то это переворот. Не просто новое оружие или двигатель. Это новая физика. Эра чистой энергии.

Глаза Полунина сузились. Он смотрел на папку, как удав на кролика.

– А если направить эту энергию не в реактор, а в бомбу? Плазменный заряд? Аннигиляция пар... какая мощность?

Светлов, не оборачиваясь, бросил через плечо:

– Любая, товарищ генерал. Ограничена только объемом создаваемых пар. Если мы научимся это делать... одна такая бомба

заменит весь ядерный арсенал вероятного противника. И главное — чисто. Никаких радионуклидов, один чистый гамма-всплеск и плазма.

Полунин медленно поднялся. Он был на голову выше сидящего Вольского.

— Слушайте меня внимательно, орлы, — сказал он тихо, но от этого тихого голоса в зале, казалось, похолодало. — Все, что вы тут наговорили, остается в этих стенах. Ни одной записи в личных дневниках, ни одного пьяного разговора на кухне, ни одной статьи в «Доклады Академии Наук». Вашего Шарнхорста больше нет в природе. Есть государственная тайна. Есть проект...

Он выдержал паузу, обведя взглядом каждого.

— ...Проект «Шарнхорст». С сегодняшнего дня вы работаете только на меня и на Родину. Задачи: подтвердить теорию экспериментально. Светлов — твоя задача создать установку. Векслер — ты отвечаешь за теорию. А ты, — он ткнул пальцем в грудь Андрея, — ты, Вольский, теперь спишь здесь. Будешь жить наукой. И запомните: никто не должен знать.

Он сгреб папку со стола и сунул ее себе под мышку.

— Векслер, зайдите ко мне через час. Будем думать, где строить стенд и как прятать финансирование.

Когда дверь за генералом закрылась, Светлов присвистнул и упал в кресло.

— Ну, Андрей, поздравляю. Ты только что подарил стране самую страшную тайну со времен атомного проекта. И если у нас ничего не выйдет, нас всех разжалуют в дворники. Если выйдет... — он развел руками. — Даже не знаю, что тогда.

Векслер медленно погасил папиросу и посмотрел на Вольского. В его взгляде читалась странная смесь гордости и тревоги.

— Выйдет, Миша, обязательно выйдет, — пробормотал он. — Беда в другом. Когда люди учатся черпать силу у самого мироздания, они редко бывают к этому готовы. Ладно, господа-товарищи ученые. Добро пожаловать в ад квантовой неопределенности.

Андрей сидел, не в силах пошевелиться. В окно он видел верхушки сосен за забором, уже тронутые желтизной. Где-то там, за колючей проволокой, шла обычная жизнь, люди спорили

о политике, стояли в очередях, влюблялись. А здесь, в этом кабинете, только что решили заглянуть в бездну, из которой, как говорили древние, нет возврата. И имя этой бездне было – «Эффект Шарнхорста».

ГЛАВА 1: ПЕПЕЛ СОЮЗА

Февраль 1992 года выдался промозглым и серым. Снег давно потерял свою белизну, превратившись в грязное месиво на обочинах, а голые ветки берез, казалось, царапали низкое, набухшее влагой небо. Лев Борисович Векслер стоял у окна своей московской квартиры, выходящего на шумный проспект, и смотрел, как внизу, сигналив друг другу, мечутся «Жигули» и иномарки, чувствовавшие себя на этих улицах хозяевами. В комнате пахло сыростью и запустением. Телефон молчал уже третий день – группу распустили вместе с институтом.

В дверь позвонили. Векслер подошел и, чуть помедлив, повернул ключ в дверном замке. Вместе с потоком холодного воздуха в прихожую вошел Михаил Светлов – инженер-гений, как называли его в институте. Он осунулся – щетина темнела на щеках, а когда-то дорогой свитер был заштопан на локте.

– Ну, Лев Борисович, с концами, – Светлов прошел на кухню, бросил на стол тощий портфель. – Был в институте сегодня. Печати на дверях. Охрану сняли еще на прошлой неделе. Местные алкаши уже вынесли все медные шины, которые плохо лежали. Нашу лабораторию, правда, не тронули – дверь бронированная, но это вопрос времени. Через месяц там и стены разберут на кирпичи.

Векслер не обернулся. Он смотрел, как внизу остановился тонированный «Мерседес», из которого вышел человек в кожаном пальто и, достав сотовый телефон, начал кому-то звонить, поглядывая на подъезд.

– Знаешь, Миша, – голос Векслера звучал глухо, – в сорок пятом я думал, что хуже войны ничего не будет. В пятьдесят третьем, когда хоронили Сталина, думал – ну, теперь-то точно все наладится. А сейчас... смотрю на этот проспект и понимаю: мы стали другими. И страна стала другой. Чужой.

– Философствовать будем потом, – Светлов закурил прямо на кухне, хотя раньше Векслер ему этого не позволял. – Ко мне вчера приходили. Двое. Интеллигентные такие, в очках, но говорят по-русски с акцентом. Предлагали контракт. Калифорнийский технологический. Домик в Пасадене, машина, лаборатория – все, что пожелаешь. Условие одно: привезти с собой все наработки по эффекту. И тебя, кстати, тоже звали. Вместе поедем, говорят, дело общее сделаем.

Векслер наконец повернулся. Его глаза, всегда живые и ироничные, сейчас смотрели устало, но в них мелькнула знакомая искра.

– А ты что ответил?

– А что я мог ответить? – Светлов усмехнулся, выпуская дым в форточку. – Сказал, что подумаю. Они оставили визитку. Сказали, позвонят через неделю. Но ты же знаешь, Лев Борисович, я эти ящики с железками не для того паял, чтобы какой-нибудь ковбой в Техасе на них ракеты в Ирак запускал. Или, еще хуже, – сюда же, в Москву, только с обратным адресом.

Векслер кивнул, взял папиросу «Казбек» из помятой пачки, долго прикуривал дрожащими руками.

– А меня вчера навещали другие гости. Товарищ Полунин, собственной персоной. Без погон, в цивильном, но взгляд – тот же. Старый волк. Сказал, что генералы теперь сами по себе, а он – сам по себе. Предлагает сотрудничество. Частное. Говорит, есть люди, есть деньги, есть интерес. Хочет, чтобы мы продолжали. Только теперь не для Родины, а для него. Для узкого круга лиц.

– И ты?

– А я послал его, Миша. Далеко и надолго. Сказал, что если он сунется, я все бумаги сожгу, а установку взорву к чертовой матери. Он усмехнулся, сказал, что я еще пожалею, и ушел.

Светлов затушил окурок прямо в цветочный горшок с засохшей геранью.

– Значит, два фронта. Запад хочет купить. Наши бывшие хотят отжать. А у нас – ни копейки, ни охраны, и Андрюша... – он запнулся.

Векслер подошел к столу, сел напротив. В его глазах появилась та самая хитринка, которую Светлов знал много лет.

– А про Андрюшу, Миша, давай-ка поговорим отдельно. Ты когда в последний раз был на моей даче в Кратово?

Светлов удивленно поднял брови.

– Давно. Еще летом, кажется. А что?

Векслер медленно улыбнулся, разглаживая седые усы.

– А то, что, может быть, не все наши потери – безвозвратны. Собирайся. Поедем, воздухом подышим. Заодно посмотришь, как там мой новый садовник хозяйствует. Хороший мужик, работающий. Только тихий очень. Говорит мало. И, знаешь, в физике разбирается так, что я сам у него иногда консультируюсь.

Светлов сначала не понял. А потом до него дошло. Он вскочил, опрокинув стул.

– Лев Борисович... вы хотите сказать... это невозможно! Его же...

– Тихо! – Векслер поднял руку. – Не кричи на всю квартиру. Стены, знаешь ли, тоже уши имеют. Андрей действительно пропал год назад. Для всех. Для милиции, для соседей, для тех, кто к нему приходил с вопросами. Но для нас с тобой... скажем так, он просто сменил место работы. И профессию. Теперь он садовник, Иван Григорьевич Карташов. Прописан у меня на даче, получает зарплату, платит налоги. Все чин по чину.

– Но как? Как вы это провернули?

– Полунин помог, как ни странно. Неосознанно, конечно. Когда он начал охоту за Андреем, я понял, что живым его не оставят. Либо украдут, либо убьют, либо заставят работать в подвале. А мне терять ученика, Миша, жалко. Тем более такого. Вот и инсценировали мы небольшое ДТП. Машина в Москву-реку, тело не нашли, документы сгорели. Милиция искала для проформы и забыла. А Андрей с тех пор живет в сторожке и стрижет мои яблони.

Через час они тряслись в электричке, забитой людьми с огромными сумками – «челноками», как их теперь называли. Ехали

долго, потом шли пешком по заснеженной лесной дороге. Дачный поселок Кратово встретил их тишиной и запахом дыма из печных труб. Дома здесь стояли добротные, еще сталинской постройки, с высокими заборами и заснеженными садами.

Участок Векслера оказался в глубине поселка, у самого леса. Старый двухэтажный дом с верандой, занесенный сугробами, сарай, банька и небольшой флигель, где раньше хранили инвентарь. Из трубы флигеля шел дым.

Они вошли в калитку, и навстречу им, разгребая снег лопатой, вышел человек в ватнике, валенках и старой шапке-ушанке. Борода, давно не стриженные волосы, сутулые плечи. Он поднял голову, и Светлов едва узнал в этом обросшем мужике того самого молодого теоретика, который семь лет назад стоял перед генералом и дрожащим голосом рассказывал про кипение вакуума.

– Здорово, Миша, – голос Андрея Вольского звучал хрипло, он кашлянул в кулак. – Давно не виделись.

В доме Векслера было натоплено, пахло яблоками и старой мебелью. Андрей снял ватник, оставшись в простой клетчатой рубашке, и сел за стол, где уже стоял самовар с чаем и тарелка с сушками.

– Рассказывай, – потребовал Светлов, не сводя с него глаз. – Как ты? Как это все выдержал?

Андрей усмехнулся, налил полную чашку чая, отпил и с удовольствием стал разламывать сушки, наслаждаясь их хрустом.

– А что рассказывать? Живу. Книжки читаю по ночам. Днем снег чищу, дрова колю. Лев Борисович привозит новые журналы. Я потихоньку теорию дорабатываю. В голове, конечно, без формул тяжело, но держусь.

– Теорию? – переспросил Светлов. – Какую теорию?

– Ту же самую, Миша, – Векслер достал из буфета пухлую тетрадь, исписанную мелким, аккуратным почерком. – Вот, полюбуйся. Андрей за год, сидя в сторожке, вывел то, на что в институте у нас ушло бы три года и миллионы рублей бюджетных денег. Тут у него и уточненные уравнения состояния плазмы, и новые параметры резонанса, и, – он понизил голос, – кое-что еще. То, о чем мы даже не догадывались.

– А именно? – Светлов взял тетрадь, начал листать, вглядываясь в формулы. Глаза его расширились.

– Побочный эффект, – тихо сказал Андрей. – Я просчитал фазовые переходы при сверхвысоких энергиях. Если создать нужную конфигурацию полей, аннигиляция пар происходит не хаотично, а направленно. И в этот момент... пространство вокруг установки ведет себя странно. Оно как бы... теряет жесткость. Понимаешь, Миша? Оно становится пластичным. Как глина. И если знать, как надавить...

Светлов оторвался от тетради. В комнате повисла тишина, только дрова потрескивали в печке.

– Ты хочешь сказать... переход в другие измерения? Это же...

– Это фантастика, я знаю, – перебил Андрей. – Но математика не врет. Если мы правы насчет эффекта Шарнхорста, если мы действительно можем черпать энергию из вакуума, то почему мы не можем использовать эту энергию, чтобы... прошить ткань реальности? Это как прыжок с трамплина. Сначала ты разгоняешься, потом отталкиваешься – и летишь. Только трамплин тут – наша установка, а место приземления – другой мир.

Векслер сел за стол, достал из внутреннего кармана вчетверо сложенный лист бумаги и сказал:

– Я позвал вас, мальчики, не просто так. Ситуация патовая. Института нет. Полунин на нас охотится. Западные ребята обещают золотые горы, но потом нас выжмут как лимоны и выбросят. А у нас тут, – он обвел рукой комнату, – есть дом. Есть подвал, который Миша сможет превратить в лабораторию за месяц. Есть сарай, где можно спрятать оборудование для стенда. И есть Андрей, который знает, что делать дальше. Вот список необходимого оборудования, которое нам нужно в первую очередь.

– Вы предлагаете продолжать? – Светлов отодвинул стакан. – Самим? На голом энтузиазме? Где мы возьмем лазеры, генераторы, вакуумные камеры? Это же миллионы, Лев Борисович!

– А вот тут самое интересное, – Векслер хитро прищурился. – Помнишь наш старый стенд в институте? Тот, который мы законсервировали два года назад под предлогом неисправности?

– Ну?

– Так вот, по документам он до сих пор неисправен и подлежит списанию. А по факту... он просто стоит в подсобке, и никому до него нет дела. Охраны нет. Двери бронированные, но замки там простые. Если у нас найдется человек, который умеет работать руками и не боится темноты...

Оба посмотрели на Светлова. Тот хлопнул себя по лбу ладонью.

– Вы с ума сошли! Это же кража государственного имущества в особо крупных размерах! Нас же расстреляют! Если поймают.

– А если не поймают? – спросил Андрей тихо. – Если мы все сделаем аккуратно, Миша? Вывезем по частям, ночью, на обычной машине. Спрячем здесь, в подвале. Соберем заново. Запустим. И тогда... мы ни от кого не будем зависеть. Ни от Полунина, ни от американцев, ни от этой новой власти, которая продает все, что плохо лежит.

Светлов встал, прошелся по комнате, задел плечом книжный шкаф, чертыхнулся.

– А если у нас получится? Если мы действительно сделаем это? Добудем энергию из вакуума? Откроем проход в другие миры? Что тогда? Мы же даже опубликовать ничего не сможем – сразу посадят. Или убьют.

– А мы не будем публиковать, – Векслер спокойно закурил новую папиросу. – Мы будем просто знать. Мы будем просто уметь. А когда придет время – решим, что с этим знанием делать. Может быть, это знание спасет нам жизнь. Может быть, оно даст нам свободу. А может быть, это просто наш долг – закончить то, что начали. Перед наукой. Перед собой.

Андрей поднял голову.

– Я за то, чтобы попробовать. Мне терять нечего. Я уже полгода как покойник.

Светлов остановился, оглядел их обоих, махнул рукой и вернулся к столу, допивая свой чай.

– Черт с вами! Помирать, так с музыкой. Только уговор: если запахнет жареным, мы сворачиваемся и заметаем следы. Я не хочу, чтобы на моей совести были ваши седые головы, Лев Борисович. И твоя молодая, но уже почти покойная, Андрей.

– Договорились, – кивнул Векслер. – А теперь давайте думать, как нам превратить подвал этого старого дома в самое секретное место на территории бывшего СССР.

За окном начиналась метель, заметая следы на снегу, заметая их прошлое, заметая все, что могло бы выдать случайному прохожему тайну старой дачи в Кратово. Тайну проекта «Шарнхорст», который, вопреки всему, продолжал жить.

ГЛАВА 2: ДАЧНАЯ «ШАРАШКА»

Снег сошел к середине апреля, обнажив прошлогоднюю траву, промокшую землю и старые проблемы, которые зима скрывала под белым покровом. Для обитателей дачи Векслера в Кратово весна стала временем большой стройки, только вместо бетона и кирпича они использовали лазеры, вакуумные камеры и сотни метров оптического кабеля.

Подвал старого дома Лев Борисович когда-то использовал под мастерскую и хранение солений. Теперь банки с огурцами и помидорами сиротливо жались в углу, уступив место настоящему научному оборудованию. Михаил Светлов, как главный инженер и снабженец, чувствовал себя здесь рыбой в воде. За последние два месяца он совершил настоящий подвиг: используя старые связи, полулегальные схемы и откровенный подкуп, он вывез с территории бывшего НИИ три грузовика того, что официально числилось «металлоломом, подлежащим утилизации».

– Ты понимаешь, Лев Борисович, – говорил он, разматывая очередной кабель, – эти идиоты сдают титановые вакуумные камеры по цене цветмета. Я договорился с одним прапорщиком. За ящик водки он оформил мне пропуск на вывоз «производственного мусора». Две тонны чистейшего титана! Если бы я знал, я бы еще и лазерные зеркала прихватил, но побоялся, что заметят.

Векслер сидел в старом кресле, принесенном сюда из дома, курил папиросу и наблюдал за работой. Рядом с ним, на шатком табурете, разместился Андрей Вольский, который уже сбрил бороду

и постригся, но все еще носил простую одежду и старался не выходить за пределы участка.

– Миша, ты гений, – констатировал Векслер. – Но нам нужны не только железки. Нам нужны мозги. Мои старые уже не так быстры, Андрей пока вынужден сидеть в тени, а объем работы растет как снежный ком.

Светлов оторвался от кабеля, вытер руки ветошью.

– Есть у меня пара кандидатур. Молодые, без работы, но очень подходящие для любой работы, где важны сноровка и осторожность. Твои ученики, Лев Борисович. Помнишь Диму Соболева? Который на программировании собаку съел? Он сейчас в какой-то коммерческой палатке сидит, видеокассетами торгует. Говорит, душа болит по настоящему делу.

– Соболев? – Векслер задумался. – Да, толковый парень. А кто второй?

– Аня Коваль. Твоя аспирантка, помнишь? Которая экспериментальные стенды собирала как игрушки. Она после закрытия института мыкалась, пыталась устроиться в педагогический, но там зарплату не платят. Сейчас, говорят, дома сидит, маме помогает.

Векслер поморщился, затушил папиросу.

– Аня... талантливая, спору нет. Но горячая, как спичка. Лезет вперед, не думая о последствиях. В институте я за ней постоянно доглядывал, чтобы чего не взорвала.

– А кто сейчас думает о последствиях? – подал голос Андрей. – Мы здесь все на пороховой бочке сидим. Если она готова работать, готова рисковать – пусть приходит. Мне нужен кто-то, кто сможет воплотить мои расчеты в реальность, пока Миша таскает железки.

Векслер тяжело вздохнул, потер переносицу.

– Ладно. Зови. Только предупреди: обратной дороги не будет. Если они согласятся, они становятся такими же нелегалами, как мы.

Дмитрий Соболев приехал через три дня. Высокий, худой, в очках с толстыми линзами, он выглядел так, будто только что вышел из вычислительного центра, хотя последние полгода провел за прилавком с кассетами. Увидев оборудование в подвале, он замер на пороге и прошептал:

– Мать божья... Это же «Шарнхорст»? Вы реально его собрали?

– Почти, – Светлов довольно улыбнулся, похлопывая по вакуумной камере, как по любимой собаке. – Осталось только мозги подключить. Твои, Дима, мозги. Нам нужно программное обеспечение для управления лазерными импульсами с точностью до пикосекунд. Справишься?

Соболев прошел вглубь подвала, провел пальцем по корпусу генератора, заглянул в оптический прицел.

– Знаете, я за эти полгода наторговал столько, что мог бы купить себе компьютер и сидеть дома писать игрушки для продажи. Деньги бы были. А потом я ловил себя на мысли, что мне это не нужно. Мне нужно вот это, – он обвел рукой подвал. – Чувствовать, что я делаю что-то настоящее. Я согласен.

Анна Коваль появилась на даче в начале мая, когда зацвели яблони. Невысокая, с короткой стрижкой и цепким взглядом серых глаз, она сразу произвела впечатление человека, который не привык ждать. Первым делом она потребовала показать установку, затем бегло осмотрела каждый узел, задавая вопросы, от которых у Светлова иногда подкашивались ноги.

– Почему здесь стоит зеркало с таким коэффициентом отражения? – ткнула она пальцем в один из блоков. – На этих частотах оно сгорит после третьего импульса.

– А мы думали...

– Думать надо было, когда проектировали, – отрезала Анна. – Ладно, найдем замену. У вас есть запасные?

Знакомство с Андреем Вольским произошло в саду, под видом разговора хозяина дачи с садовником. Анна, которой Векслер представил Андрея как «своего помощника по хозяйству Петра», сначала не обратила на него внимания. Но когда «Петр» заговорил о теории, о фазовых переходах и о проблеме коллапса волновой функции в условиях сверхвысоких энергий, Анна остановилась и посмотрела на него с новым интересом.

– Странный вы садовник, – сказала она. – Я таких садовников в институте встречала, только они докторами наук были.

Векслер кашлянул, давая знак Андрею, но тот уже решился.

– Я и есть тот самый Андрей Вольский, Аня. Тот, который пропал год назад. Только для всех я мертв. А здесь я просто Петр, садовник. И очень прошу вас сохранить эту тайну.

Анна несколько секунд смотрела на него, потом перевела взгляд на Векслера, потом снова на Андрея.

– Да... серьезная у вас конспирация, – произнесла она с тихой усмешкой. – Ладно. Могила. Но тогда, товарищ покойник, объясните мне вот что: в ваших старых статьях, которые я читала еще в институте, был раздел про резонансные частоты. Я сейчас пересчитала – там ошибка в коэффициенте. Вы это знали?

Андрей усмехнулся, в его глазах мелькнуло уважение.

– Знал. Это была намеренная ошибка, чтобы посторонние не могли повторить расчеты. Правильные коэффициенты я нигде не публиковал.

– А мне скажете?

– Скажу. Если пообещаете не лезть под лазер без защитных очков.

– Договорились.

К середине лета подвал превратился в настоящую лабораторию. Светлов гордился своей «шарашкой» – так он в шутку называл это место, вспоминая фильм про советских ученых в заключении. Дима Соболев установил два компьютера, соединенных в сеть, и дни напролет писал код, управляющий лазерными импульсами. Анна колдовала над юстировкой оптики, добиваясь идеальной точности наведения. Векслер курил папиросы одну за другой и координировал процесс, а Андрей, закончив с садовыми работами, спускался в подвал и проверял расчеты, внося последние коррективы.

Вечером 15 августа они провели первый тестовый запуск. Не полномасштабный эксперимент, а просто проверку работы систем. Лазер включился на минимальной мощности, свет прошел по оптическому тракту, уперся в мишень. Приборы зафиксировали слабые флуктуации, но ничего похожего на «кипение вакуума» не произошло.

– Маловато мощности, – сказала Анна, рассматривая распечатку с результатами эксперимента. – Нам нужно хотя бы тридцать

процентов от проектной, чтобы войти в резонанс.

– Тридцать процентов? – переспросил Светлов. – Ты понимаешь, что при тридцати процентах у нас вся проводка в доме вырубится? Нам придется сажать отдельный трансформатор, а это привлечет внимание.

– А у нас есть выбор? – Анна повернулась к Векслеру. – Лев Борисович, мы можем возиться с этими игрушками годами. Нам нужен настоящий запуск. Полная мощность. Хотя бы на секунду.

Векслер молчал, глядя на установку. В слабом свете ламп она казалась живым существом, притаившимся в темноте.

– Анна, – начал он осторожно, – ты понимаешь, что мы играем с огнем? Эффект Шарнхорста – это не просто выделение энергии. Это вмешательство в структуру реальности. Андрей предупреждал...

– Что предупреждал? – Анна нетерпеливо махнула рукой. – Я читала его статьи. Там все просчитано, все риски учтены.

– Не все, – вступил в разговор Андрей, молча наблюдавший за происходящим. – Аня, в своих статьях я писал только то, что можно было писать. Но есть вещи, о которых я не писал. О которых даже говорить страшно.

Он подошел к установке, провел рукой по гладкой поверхности вакуумной камеры.

– Вакуум – это не пустота. Это пена миров. Представьте себе поверхность кипящей воды. Миллионы пузырьков, которые лопаются, возникают, переливаются друг в друга. Теперь представьте, что каждый такой пузырек – это отдельная вселенная. Отдельное пространство-время. А мы, включая наш лазер, тычем в эту пену пальцем.

– И что? – Анна с вызовом посмотрела на него.

– А то, что палец может провалиться, – тихо ответил Андрей. – Если мы попадем точно в резонанс, если создадим нужную конфигурацию полей, энергия аннигиляции может не просто выделиться в виде тепла. Она может пробить мембрану между мирами. Мы не знаем, что там. Мы не знаем, сможем ли вернуться. И мы не знаем, что может прийти оттуда к нам.

В подвале повисла тишина. Даже Светлов перестал возиться с кабелями.

– Красивая теория, – наконец сказала Анна, но голос ее звучал уже не так уверенно. – А доказательства?

– Доказательств нет, – признал Андрей. – Потому что никто этого не делал. Никогда. Мы будем первыми. И вопрос в том, готовы ли мы к тому, что может случиться.

Векслер вздохнул, достал новую папиросу.

– Андрей прав, Аня. Я понимаю твое нетерпение, понимаю желание доказать, что мы чего-то стоим. Но спешка здесь опаснее, чем где бы то ни было. Мы будем повышать мощность постепенно. Шаг за шагом. Наблюдая за каждым изменением.

– Годы уйдут, – упрямо сказала Анна.

– У нас есть время, – возразил Векслер. – Пока нас не нашли. Пока Полунин ищет иголку в стоге сена. Пока западные разведки пытаются перекупить наших бывших коллег. И мы должны использовать его с умом.

Дима Соболев, до этого молча сидевший за компьютером, поднял голову.

– Лев Борисович, а что, если мы проведем промежуточный эксперимент? Не на полной мощности, но с модуляцией импульса? Я могу написать программу, которая будет создавать короткие всплески, наносекундные. Мы проверим реакцию вакуума на разных частотах, не доводя до критического порога.

Векслер посмотрел на Андрея. Тот кивнул.

– Разумно. Если где-то рядом есть резонанс, мы должны почувствовать его отголоски задолго до того, как войдем в него полностью.

Анна вздохнула, но спорить не стала.

– Ладно, уговорили. Но я хочу участвовать в каждом запуске. И хочу, чтобы вы мне доверяли.

– А мы тебе доверяем, Аня, – улыбнулся Векслер. – Мы здесь все друг другу доверяем. Иначе бы не выжили.

За окнами подвала уже стемнело, в доме горел свет, а теплый летний вечер наполнял воздух своим ароматом. Никто из них не знал, что этот вечер станет началом отсчета. До первого настоящего контакта с иной реальностью оставалось несколько

месяцев. Границы миров, к которым они прикасались, уже начинали проявляться.

ГЛАВА 3: ЭНЕРГИЯ ИЗ НИОТКУДА

Ноябрь 1992 года окутал Кратово мокрым снегом, и холодный ветер, пронизывающий до костей, выл в печной трубе дачи Векслера сутками напролет. В подвале было сыро и зябко, но никто не обращал внимания на такие мелочи. Последние три месяца вся группа жила одним днем, одной целью, одной надеждой.

Михаил Светлов в десятый раз проверял соединения кабелей, его пальцы, перепачканные машинным маслом, слегка дрожали. Дима Соболев сидел перед мониторами, вглядываясь в строки кода, готовый в любой момент вмешаться в работу программы. Анна Коваль застыла у оптического стола, ее глаза были прикованы к показаниям датчиков, разбросанных по всей лаборатории. В углу, на старом диване, примостился Лев Векслер с неизменной папиросой в зубах, которую он так и не зажигал – курить в подвале было строжайше запрещено. Андрей Вольский стоял у самой стены, сжимая в руках блокнот с расчетами; его страницы были заполнены формулами, смысл которых знал лишь он.

– Лазер к работе готов, – голос Светлова прозвучал неожиданно громко в тишине подвала. – Вакуумная камера держит давление. Оптика сведена с точностью до микрона.

– Программа загружена, – отозвался Соболев, не отрываясь от экрана. – Контрольные точки расставлены. Система безопасности в состоянии готовности.

– Датчики калиброваны, – Анна поправила очки, которые съезжали на кончик носа. – Если хоть один фотон вылетит не туда, я узнаю об этом раньше, чем он долетит до стены.

Векслер медленно поднялся, подошел к установке, провел ладонью по холодному металлу вакуумной камеры.

– Семь лет, – сказал он тихо, ни к кому не обращаясь. – Семь лет мы шли к этому моменту. От первой математической модели до сегодняшнего дня. Сколько раз нас хоронили, сколько раз списывали со счетов, сколько раз пытались купить. А мы здесь. Мы все еще здесь.

– Лев Борисович, – голос Андрея дрогнул, – может быть, я проведу последнюю проверку расчетов? Еще раз убедиться...

– Нет, Андрюша, – Векслер покачал головой. – Если мы будем проверять до бесконечности, мы никогда не нажмем эту кнопку. Наука – это не только теория. Это еще и смелость. Смелость признать, что ты готов. Дима, давай обратный отсчет.

Соболев кивнул, его пальцы заплясали по клавиатуре.

– Десять... девять... восемь...

Анна затаила дыхание, вцепившись в край стола побелевшими пальцами. Светлов непроизвольно сделал шаг назад, будто установка могла взорваться прямо сейчас. Векслер стоял неподвижно, только желваки ходили на его скулах.

– ...три... два... один... Пуск.

На долю секунды в подвале стало ослепительно светло. Лазерный импульс, сжатый до пикосекундной длительности, ударил в центр вакуумной камеры, где в идеальной пустоте, при температуре, близкой к абсолютному нулю, таилась тайна мироздания. А потом свет погас, и наступила тишина.

– Есть контакт! – закричала Анна, вскакивая с места. – Есть! Датчики регистрируют рождение пар! Электрон-позитронные пары, Лев Борисович! Они реальны!

Соболев застучал по клавиатуре, выводя на экраны графики.

– Аннигиляция идет по расчетной кривой! Энерговыделение... боже мой, коэффициент усиления – двадцать три! Двадцать три раза больше затраченной энергии!

Светлов бросился к своим приборам, забыв про осторожность, чуть не сбил с ног Векслера.

– Вакуум не разрушен! Поля стабильны! Мы сделали это, мужики! Мы сделали это!

Андрей Вольский медленно сполз по стене, закрыл лицо руками. Его плечи тряслись – то ли от смеха, то ли от рыданий. Векслер подошел к нему, положил руку на голову, как маленькому.

– Ну, тихо, тихо, теоретик! Твоя сумасшедшая математика действительно работает. Эффект Шарнхорста существует. Энергия из вакуума – реальность!

– Вы понимаете, что это значит? – Андрей поднял на него мокрые глаза. – Мы только что изменили историю человечества. Мы только что подарили миру неограниченную энергию. Чистую, безопасную, вечную.

– Подарили, – усмехнулся Светлов, хлопая себя по карманам в поисках сигарет. – Только вот кому дарить, если мир покатился в тартарары? Американцам, чтобы они еще больше ракет наделали? Нашим новым русским, чтобы они друг друга по прихожим перестреляли? Нет, Андрюша. Это знание пока останется здесь. В этом подвале.

Анна уже не слушала их. Она колдовала над приборами, снимая показания, записывая данные в толстый журнал, который вела с первого дня.

– Лев Борисович, тут странность, – вдруг сказала она, и голос ее прозвучал настороженно. – Посмотрите-ка.

Векслер мгновенно оказался рядом. Анна ткнула пальцем в график, который полз по экрану осциллографа.

– Вот здесь, в момент максимальной аннигиляции, детектор массы зафиксировал провал. Смотрите: масса в зоне реакции упала до нуля. Не до фоновых значений, а именно до нуля. Абсолютного нуля.

– Помехи? – Векслер нахмурился. – Глюк датчика?

– Я проверяла датчик вчера. Сегодня утром. И сейчас проверю еще раз, – Анна быстро переключила режимы, запустила калибровку. – Датчик жив. Он показывает нормальные значения фона. Но вот здесь, в эту микросекунду, массы не было. Совсем.

Светлов подошел, заглянул через плечо Анны.

– Дай посмотрю. – Он изучил график, потом перевел взгляд на свои приборы. – Аня права. Я тоже вижу аномалию. Энергия выделилась, масса пропала. Но по Эйнштейну, масса и энергия эквивалентны. Если масса исчезла, она должна была превратиться в энергию. А энергия у нас и так выделилась. Двойной счет получается.

Андрей поднялся с пола, подошел к ним, вытер глаза рукавом.

– Покажите.

Он долго смотрел на графики, потом попросил Соболева вывести данные на большой экран. Дима быстро справился с задачей, и вся компания уставилась на кривую, которая в одной точке падала до нуля, а потом так же резко возвращалась к норме.

– Это не может быть ошибкой измерений, – наконец сказал Андрей. – Слишком чистая картина. Слишком симметричный провал. Похоже на то, что в этой микросекунде часть материи просто... исчезла. Перестала существовать в нашем пространстве.

– В нашем пространстве? – переспросила Анна, поднимая бровь. – Ты хочешь сказать, ушла в другое?

– Я хочу сказать, что мы не знаем, что это такое, – поправил ее Андрей. – Но это похоже на то, о чем я говорил. Помните? Пена миров. Если мы ткнули пальцем слишком сильно, палец может провалиться. Вот здесь, на микросекунду, провалилась часть массы. Она ушла туда, куда мы не можем заглянуть.

В подвале повисла тишина, нарушаемая только гудением вентиляции. Первым заговорил Векслер.

– Значит, побочный эффект существует. Мы не только черпаем энергию из вакуума. Мы еще и влияем на ткань реальности. Вопрос: это опасно?

– Пока нет, – Андрей покачал головой. – Микросекунда, ничтожная масса. Это как муравей, который наступил на слона. Слон даже не заметит. Но если мы увеличим мощность, если создадим резонанс...

– То слон может проснуться, – закончил Светлов. – Или провалиться. Или еще что похуже.

Анна упрямо тряхнула головой.

– Мы не можем остановиться сейчас. Мы только начали понимать, что происходит. Нужно повторить эксперимент. На той же мощности, но с другими параметрами. Посмотреть, как меняется провал.

– Аня права, – неожиданно поддержал ее Векслер. – Мы должны изучить это явление. Понять его природу. Может быть, это ключ к чему-то большему, чем просто энергия.

– Или кранты, – буркнул Светлов, но возражать не стал. – Ладно. Через час можем повторить. Дима, подготовь программу с вариацией частоты. Андрей, пересчитай резонансные режимы с учетом этой аномалии. Аня, ты следишь за датчиками. А я пойду покурю, потому что если я сейчас не закурю, я взорвусь вместе с этой установкой.

Он поднялся наверх, оставив остальных в подвале. Андрей подошел к Анне, встал рядом, глядя на графики.

– Спасибо, – тихо сказал он.

– За что?

– За то, что поверила. За то, что не испугалась. За то, что работаешь здесь, хотя могла бы быть в любом университете мира.

Анна усмехнулась, поправила очки.

– В любом университете мира мне было бы скучно, Андрей Петрович. А здесь – самое интересное место на планете. И вообще, – она посмотрела на него серьезно, – ты прав насчет пены миров. Я чувствую это. Там что-то есть. Что-то, что ждет, когда мы постучимся.

– Или что-то, что придет в ответ на стук, – добавил Векслер, спускаясь обратно с зажженной наконец папиросой, которую он, впрочем, сразу затушил о подошву. – Ладно, орлы. Давайте работать. У нас есть эффект Шарнхорста, и у нас есть аномалия. Теперь нужно понять, что это за зверь.

Они проработали всю ночь и весь следующий день. Эксперименты повторялись снова и снова, датчики фиксировали стабильное выделение энергии, и каждый раз, в момент аннигиляции, детекторы отмечали кратковременное исчезновение массы. Провал был неизменным, как отпечаток пальца, уникальная подпись процесса, который они разбудили.

К вечеру 17 ноября 1992 года группа исследователей на даче Векслера в Кратово знала наверняка: они не просто открыли новый источник энергии. Они прикоснулись к чему-то гораздо более фундаментальному. К чему-то, что соединяло их мир с другими мирами. И обратной дороги уже не было.

ГЛАВА 4: ПРИЗРАКИ В ПОДВАЛЕ

Наконец наступил декабрь 1992 года, снежный и морозный. Дача Векслера возвышалась среди сугробов, и лишь узкая тропинка, протоптанная от калитки к дому и от дома к флигелю, напоминала о том, что здесь живут люди. В подвале было тепло, даже жарко – дополнительное отопление пришлось ставить, потому что аппаратура требовала стабильной температуры, а старая печка уже не справлялась.

Прошло три недели с момента первого успешного запуска, и за это время группа провела больше сотни экспериментов. Они меняли мощность, частоту, длительность импульсов, состав остаточных газов в вакуумной камере. Эффект Шарнхорста работал стабильно, выдавая энергию с коэффициентом энергетического выхода от пятнадцати до двадцати процентов, в зависимости от параметров. Но аномалия исчезновения массы не только не исчезла, она стала проявляться ярче.

– Я не понимаю, – Анна в который раз вглядывалась в графики, разложенные на старом обеденном столе, который теперь служил рабочим местом. – Чем выше мощность, тем длительнее провал. Корреляция почти линейная. Но масса не превращается в энергию – энергия и так выделяется. Куда она девается?

– Может быть, в те самые пузыри? – предположил Дима Соболев, не отрываясь от монитора. – В другие слои реальности?

Если вакуум — это пена, а мы создаем в ней дырочку, часть материи просто проваливается в соседний пузырь.

— Красивая теория, — кивнул Векслер, попыхивая папиросой в форточку — единственное место в подвале, где разрешалось курить. — Но как это проверить? Как увидеть то, что провалилось?

— Никак, — Андрей пожал плечами. — Если оно провалилось, оно в другом пространстве-времени. Для нас оно просто исчезло. Мы можем только фиксировать факт исчезновения.

— А если не только исчезать? — подал голос Светлов, который возился с лазерным блоком в углу. — Если попробовать обратный процесс? Вытащить что-то оттуда?

Все посмотрели на него. Михаил выбрался из-под стола, отряхнул колени.

— Ну, смотрите. Мы создаем условия, при которых частицы из нашего мира проваливаются в другие слои. Значит, должны существовать условия, при которых частицы из других слоев проваливаются к нам. Это же симметрия, так? Что работает в одну сторону, должно работать и в другую.

Векслер задумался, постучал пальцем по столу.

— Логично. Но как подобрать параметры? Мы даже не знаем, что там, в этих слоях. Какая там физика, какие константы.

— А мы и не будем подбирать специально, — вмешался Андрей, и в его глазах загорелся знакомый огонек. — Мы можем просканировать диапазон частот. Устроить что-то вроде свипирования. Если где-то рядом есть резонанс с другим слоем, мы должны его почувствовать. Может быть, что-то придет в ответ.

— Или кто-то, — тихо добавила Анна.

Наступила тишина. Предложение звучало одновременно захватывающе и пугающе. Они играли с силами, о которых никто ничего не знал, на оборудовании, собранном из металлолома, в подвале старой дачи, рискуя не только своими жизнями, но и, возможно, чем-то большим.

— Риск велик, — наконец сказал Векслер. — Но мы не затем столько лет работали, чтобы остановиться перед неизвестностью. Дима, готовь программу. Будем сканировать шагом в один герц.

Медленно, аккуратно. Если что-то пойдет не так – сразу отключаемся.

Подготовка заняла три дня. Соболев написал новую программу, которая плавно меняла частоту лазерных импульсов в широком диапазоне. Анна перенастроила детекторы на максимальную чувствительность. Светлов проверил каждое соединение, каждый контакт. Векслер и Андрей перепроверили расчеты десятки раз, пытаясь предугадать возможные последствия.

Вечером 10 декабря они начали эксперимент. Первые часы сканирования не дали ничего нового – те же всплески энергии, те же провалы массы, никаких признаков обратного процесса. Уже за полночь, когда все валились с ног от усталости, Дима вдруг вскинул голову.

– Стоп. Есть аномалия.

Все мгновенно собрались у мониторов. На экране ползла кривая, и в одной точке она резко отклонялась от нормы.

– Частота 12.847 мегагерц, – доложил Соболев. – Детекторы показывают кратковременное увеличение плотности в зоне реакции. Не аннигиляция, не рождение пар. Просто... появление чего-то.

– Мощность? – спросила Анна, вглядываясь в показания.

– Минимальная, мы же сканируем. Доли процента от рабочей.

Векслер подошел к вакуумной камере, будто мог увидеть что-то сквозь толстый металл.

– Повтори на этой частоте. Один короткий импульс, чуть выше мощностью.

Соболев кивнул, быстро набрал команды. Все затаили дыхание. Лазер щелкнул, выпуская импульс. И в тот же миг в центре вакуумной камеры, прямо в фокусе лазерного луча, на долю секунды возникло нечто.

Анна, стоявшая ближе всех к смотровому окну, вскрикнула и отшатнулась. Остальные бросились к ней.

– Что там? Что ты увидела?

– Растение, – произнесла Анна, не веря своим глазам. – Там было растение. Маленькое, с серебристыми листьями. Оно появилось и сразу сгорело.

– Призраки, – прошептал Светлов, крестясь по старой привычке, хотя никогда не был религиозным. – В подвале призраки завелись.

– Какие призраки, Миша? – Векслер оттеснил его от окна и сам приткнулся к смотровому стеклу. В камере было пусто, только слабое свечение остаточного газа. – Там ничего нет.

– Было, – упрямо повторила Анна. – Я видела. Серебристые листья, стебель, похожий на наш хвощ, только тоньше. Оно висело в воздухе, вращалось и потом вспыхнуло.

– Запись! – крикнул Андрей Соболеву. – У тебя же есть запись с высокоскоростных камер?

Дима уже колдовал над клавиатурой, выводя на экран покадровую съемку. Все столпились вокруг монитора. На экране мелькнула вспышка лазера, а затем, на одном-единственном кадре, появилось размытое изображение. Серебристый силуэт, действительно напоминающий растение, с тонкими листьями, которые, казалось, шевелились, будто от дуновения ветра. А на следующем кадре его уже не было – только облачко плазмы, которое быстро рассеивалось.

– Невероятно... – тихим голосом произнес Светлов. – Оно реально было. Мы притащили сюда растение из другого мира.

– Не притащили, – поправил Андрей, не сводя глаз с экрана. – Мы открыли окно. На долю секунды. И в это окно что-то попало. Случайно. Просто оказалось в нужном месте в нужное время.

– И сгорело, – мрачно добавила Анна. – Потому что наши условия для него смертельны. Вакуум, радиация, температура.

Векслер отошел от монитора, сел на диван, достал папиросу, но закурить не решился.

– Значит, обратная связь существует. Мы можем не только отправлять материю в другие слои, но и получать ее оттуда. Вопрос: как долго она может там существовать? И можно ли создать условия, при которых она выживет?

– Или оно выживет, – тихо сказал Андрей. – Или оно выживет. Растение – это одно. А если там есть кто-то разумный? Если они тоже экспериментируют?

– Ты хочешь сказать, что мы не одни такие? – Светлов нервно рассмеялся. – Что там, по ту сторону, сидят такие же ученые

и пытаются поймать сигнал из нашего мира?

— А почему нет? — Андрей пожал плечами. — Физика везде одинакова. Если эффект Шарнхорста существует в нашем мире, почему он не может существовать в другом? И если они такие же любопытные, как мы, они тоже будут сканировать частоты, искать резонансы.

— И тогда они увидят нас, — закончила Анна. — Так же, как мы увидели это растение.

В подвале повисла тишина. Каждый думал о своем. О том, что они стоят на пороге открытия, которое перевернет не только науку, но и само представление человечества о своем месте во Вселенной. О том, что они не просто физики, а первопроходцы, Колумбы новых миров. И о том, что Колумб, открыв Америку, даже не подозревал, какие последствия это будет иметь для его мира.

— Мы должны продолжить, — твердо сказала Анна. — Мы должны понять, как это работает. Научиться контролировать процесс. Может быть, даже установить контакт.

— Контакт с чем? — усмехнулся Светлов. — С серебристыми одуванчиками?

— С кем угодно, Миша, — ответила Анна. — С кем угодно, кто там есть. Потому что если они умнее нас, они нас все равно найдут. Рано или поздно. И лучше, чтобы мы были готовы.

Векслер поднялся, подошел к вакуумной камере, положил руку на холодный металл.

— Аня права. Мы не можем закрыть эту дверь. Она уже открыта. С того первого эксперимента, когда масса начала исчезать, мы уже вляпались в эту историю по уши. Теперь нужно идти до конца.

— Или смыться, пока не поздно, — буркнул Светлов, но в его голосе не было уверенности.

— А есть куда смываться, Миша? — Андрей грустно улыбнулся. — Полунин ищет нас. Западные спецслужбы, судя по слухам, тоже активизировались. Для всего мира я мертв, ты — безработный инженер, Лев Борисович — пенсионер на грани нищеты. У нас нет другого мира, кроме этого подвала. И если есть шанс найти другой мир — настоящий другой мир, — может быть, стоит попробовать?

Светлов долго молчал, глядя на свои руки, перепачканные машинным маслом. Потом махнул рукой.

– Эх, была не была! Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Давайте искать эти ваши миры. Только уговор: если увижу там серебристого черта с рогами, я сразу отключаю рубильник.

– Договорились, – улыбнулся Векслер. – А теперь, орлы, давайте работать. Нам нужно понять, как стабилизировать процесс. Как сделать так, чтобы то, что приходит к нам, не сгорало в первые микросекунды. И как, возможно, отправить что-то туда, не потеряв его навсегда.

Они проработали до утра. А когда первые лучи зимнего солнца пробились сквозь заснеженные окна подвала, на мониторе появился новый график. Анна, не спавшая вторые сутки, вдруг вскрикнула и ткнула пальцем в экран.

– Смотрите! Опять!

Все бросились к монитору. На этот раз изображение было четче. В вакуумной камере, прямо в луче лазера, на долю секунды возник не просто силуэт, а фрагмент ландшафта – кусочек серебристой травы, холм на горизонте и странное небо, отливающее фиолетовым. А потом все исчезло, оставив после себя только слабый запах озона и горелой плоти.

– Мы видели другой мир, – прошептала Анна. – Мы реально видели другой мир.

Векслер замер, словно ощущая невидимое присутствие. Светлов сжал зубы, не произнеся ни слова. Андрей молча смотрел на пустую камеру, и в его глазах горел тот самый огонь, который семь лет назад зажег проект «Шарнхорст». Теперь этот огонь разгорался в пламя, способное прожечь дыру в самой ткани реальности, и казалось, будто сама тьма подвала затаила дыхание, ожидая следующего шага.

ГЛАВА 5: ЗАПАДНЫЙ СЛЕД

Январь 1993 года в Лэнгли выдался холодным и ветреным. С Потомака тянуло сыростью, и сотрудники штаб-квартиры ЦРУ невольно плотнее застегивали пиджаки и пили больше кофе, чем обычно. В аналитическом отделе, занимавшемся бывшими советскими республиками, царила атмосфера лихорадочной активности – архивы КГБ, вывезенные через третьи страны, валились на столы тоннами, и каждый клочок бумаги мог содержать ключ к разгадке тайн исчезнувшей империи.

Роберт Моррисон, сорокалетний аналитик с усталыми глазами и вечной небритостью, работал над очередной пачкой документов уже восьмой час подряд. Микрофильмы, ксерокопии, машинописные листы с грифом «Совершенно секретно» – все это сливалось в однообразную серую массу, пока его взгляд не зацепился за странное слово, выделенное красным штампом.

– Шарнхорст, – прочитал он вслух, попробовав слово на вкус. – Что за черт?

Он углубился в чтение. Отчет был составлен сухим канцелярским языком, но между строк читалось нечто невероятное. «Кипение вакуума», «рождение электрон-позитронных пар», «коэффициент энерговыделения, превышающий затраченный на порядки». Моррисон перечитал документ три раза, потом откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

– Шеф, – позвал он, не повышая голоса. – Вам нужно это видеть.

Через пятнадцать минут в кабинете начальника отдела собрались четверо. Полковник Томас Бреннан, седой, подтянутый, с квадратной

челюстью, листал отчет, не выказывая эмоций. Рядом с ним стоял научный консультант, профессор физики из Принстона, временно работавший на Агентство.

– Это возможно? – спросил Бреннан, поднимая глаза на профессора.

Тот снял очки, протер их платком.

– Теоретически... да. Гипотеза Шарнхорста обсуждалась в научной литературе еще в семидесятых. Считалась бредовой, но математически непротиворечивой. Если русским удалось создать экспериментальную установку...

– То они обладают технологией, которая перевернет мир, – закончил Бреннан. – Чистая энергия. Практически даром. И, судя по этому отчету, они работали над этим еще в середине восьмидесятых. Под крышей Министерства обороны.

Моррисон подался вперед.

– Сэр, в отчете упоминаются конкретные имена. Руководитель проекта – доктор наук Лев Векслер. Главный инженер – Михаил Светлов. Теоретик – Андрей Вольский. Вольский, согласно примечанию, погиб в девяносто первом. Несчастный случай.

– Проверить, – коротко бросил Бреннан. – Свяжитесь с нашим человеком в Москве. Нужно найти этих людей. Если они живы, если у них сохранились материалы – мы должны получить их раньше, чем это сделают китайцы или европейцы. И раньше, чем русские сами спохватятся.

– А если они не захотят сотрудничать? – спросил профессор.

Бреннан усмехнулся, и от этой усмешки в кабинете стало холоднее, чем на улице.

– Профессор, для этого у нас есть другие методы. Ваше дело – оценить научную ценность. Остальное предоставьте профессионалам.

В Москву шифровка ушла тем же вечером. Резидент ЦРУ в российской столице, опытный разведчик, работавший под прикрытием коммерческой фирмы, получил задание: найти следы группы Векслера, установить местонахождение каждого из упомянутых ученых, оценить возможность вербовки или изъятия материалов.

Февраль 1993 года. Москва встретила американского агента привычной серостью и слякотью. Джон Маккинли, представитель «западной энергетической корпорации», арендовал офис в центре и начал осторожные расспросы. Его люди, завербованные еще в советские времена, рылись в архивах, общались с бывшими сотрудниками закрытых НИИ, собирали информацию по крупицам.

Через месяц у Маккинли на столе лежало досье. Лев Векслер – последний раз видели в Москве осенью девяносто второго, предположительно живет на даче, точный адрес неизвестен. Михаил Светлов – исчез из поля зрения после закрытия института, возможно, уехал из Москвы. Андрей Вольский – подтверждено, погиб в автокатастрофе, тело не найдено, но обстоятельства вызывают вопросы. И еще несколько имен – младших сотрудников, аспирантов, лаборантов, которые могли быть причастны к проекту.

– Коваль Анна Сергеевна, – прочитал Маккинли вслух. – Двадцать семь лет. Аспирантка Векслера. Специалист по экспериментальной физике. После закрытия института нигде официально не работает. Проживает с матерью в Москве. Периодически появляется в городе, но регулярно куда-то уезжает.

– Это наш ключ, – сказал его помощник, молодой парень со славянской внешностью и чистым русским языком. – Мать – одинокий, больной человек. Квартира в Перово. Дочь навещает ее раз в неделю, примерно по средам. Привозит продукты, лекарства. Больше ни с кем не общается.

– Слежку установили?

– Со вчерашнего дня. Квартира под наблюдением. Ждем.

Маккинли кивнул помощнику – коротко, почти лениво – и жестом отпустил его. Когда дверь кабинета закрылась, он подошел к окну. По шоссе тянулся плотный поток машин. Он смотрел вниз с тем спокойным удовлетворением человека, который уже сделал свой ход, и тихо произнес:

– До скорой встречи, господа ученые...

В это время на платформе Плющево Анна Коваль сошла с электрички. В одной руке она держала сумку с продуктами, в другой – букет цветов для матери. День казался самым обыкновенным – среда, середина марта 1993 года.

У подъезда дома на Зарайской улице стоял серый «Опель». Неподалеку мужчина в кожаной куртке просматривал газету, делая вид, что ни на кого не смотрит. Анна прошла мимо, не замедлив шага. Ее мысли возвращались к вчерашнему эксперименту – к неожиданному результату и к едва уловимому чувству, что за ней наблюдают.

Мать встретила ее жалобами на повышенное давление и шумных соседей. Анна выслушала, поставила чайник, достала лекарства. И только когда раздался звонок в дверь, она почувствовала неладное.

На пороге стояли двое. Один – представительный, в дорогом пальто, с улыбкой дельца. Второй – помоложе, с лицом, не выражающим ничего.

– Анна Сергеевна? – спросил старший на чистом русском, но с едва уловимым акцентом. – Простите за беспокойство. Меня зовут Ганс Вебер, я представляю немецкую энергетическую компанию «Рейн-Вестфаль». Мы ищем талантливых физиков для сотрудничества. Нам рекомендовали вас как одного из лучших специалистов в области плазменных технологий.

Анна замерла в дверях, загораживая проход.

– Я не работаю. И не собираюсь.

– Мы готовы предложить очень выгодные условия, – Ганс не сдавался. – Контракт в Германии, достойная зарплата, жилье. И, разумеется, мы заинтересованы в приобретении патентов или разработок, которые у вас могут быть.

– У меня нет никаких разработок, – отрезала Анна. – И патентов тоже. До свидания.

Она попыталась закрыть дверь, но молодой человек мягко, но настойчиво придержал ее.

– Анна Сергеевна, не торопитесь. Мы знаем, что вы работали с профессором Векслером. Мы знаем о проекте, которым вы занимались. И мы знаем, что этот проект имеет огромное значение. Мы не враги. Мы просто хотим предложить вам и вашим коллегам защиту и финансирование. В России сейчас нестабильно. Кто знает, что может случиться завтра?

Анна побледнела, но голос ее звучал твердо.

– Уходите. Или я вызову милицию.

– Милицию? – Ганс улыбнулся. – Анна Сергеевна, милиция сейчас занята более важными делами, чем жалобы одиноких женщин. Но мы уйдем. Мы дадим вам время подумать. Вот моя визитка. Если передумаете – позвоните. В любое время.

Он протянул ей картонный прямоугольник. Анна не взяла, и Ганс положил визитку на тумбочку в прихожей. Мужчины ушли так же внезапно, как появились.

Мать вышла из комнаты, трясась от страха.

– Анечка, кто это? Что им нужно? Ты во что-то вляпалась?

– Все нормально, мама, – Анна обняла ее, но руки ее дрожали. – Просто ошиблись дверью. Ложись, я сейчас чай принесу.

Она закрылась в ванной, достала из кармана маленький блокнот с зашифрованными номерами. Через десять минут на даче Векслера зазвонил телефон. Трубку снял Светлов.

– Миша, это я... – Анна старалась говорить ровно, но в голосе звенело напряжение. – Ко мне приходили немцы. Сказали, что из компании «Рейн-Вестфаль». Они знают о проекте. И предлагают контракт.

Светлов мгновенно оценил ситуацию.

– Ты дома? Одна?

– С мамой. Они ушли, но сказали, что вернутся. Я чувствую, Миша, это не немцы. Акцент не тот. И взгляд... у них взгляд людей, для которых преград не существует.

– Не дергайся. Я позвоню куда надо. И, Аня... будь осторожна. За тобой могут следить. Побудь сегодня дома, никуда не выходи.

– Поняла.

Светлов положил трубку и повернулся к Векслеру, который сидел за столом с папиросой.

– Лев Борисович, нас нашли. Не Полунин. Хуже. Запад.

В ту же ночь наблюдение за квартирой Коваль усилилось. Трое людей в штатском, сменяя друг друга, дежурили у подъезда. А когда Анна на следующий день отправилась на электричку, серый «Опель» следовал за ней до платформы на почтительном расстоянии, не теряя из виду. Когда подошла электричка, из машины вышел мужчина в черном пальто и, не оглядываясь, вошел в соседний вагон.

Так они вышли на дачу Векслера. Заснеженный участок в Кратово, старый дом, банька, флигель – и ничем не приметный подвал, в котором горел свет даже глубокой ночью.

Джон Маккинли получил доклад утром 20 марта.

– Объект обнаружен. Дачный поселок Кратово, участок пятнадцать по Лесной улице. Постоянное проживание: как минимум трое. Предположительно Векслер, Светлов и неустановленное лицо, возможно, садовник. Регулярные посещения: Коваль Анна, прибывает на электричке два-три раза в неделю. В подвале дома наблюдается активность в ночное время, характер свечения позволяет предположить наличие лазерной установки.

Маккинли откинулся на спинку кресла и позволил себе едва заметную улыбку.

– Гнездо найдено. Осталось понять, как его вскрыть. Штурм – слишком шумно, слишком рискованно. Русские вмешаются. Вербовка? Эти упрямые ученые не пойдут на контакт.

Он сделал паузу, словно мысленно переставляя фигуры на доске.

– Значит, ждать. Наблюдать. И выбрать момент, когда все окажется у нас в руках. И они. И установка. И результаты.

Он посмотрел на фотографию дачи, сделанную скрытой камерой.

– Доигрались, господа ученые. Теперь вы не просто тайные гении в подвале. Теперь вы цель. Цель номер один для лучшей разведки мира. И играть с нами в прятки у вас не получится.

ГЛАВА 6: ИНЫЕ МИРЫ

За дачей Векслера теперь наблюдали постоянно – группа заметила слежку еще в конце марта, когда Светлов, возвращаясь с электрички, засек серый «Опель», припаркованный у поворота на Лесную улицу уже третий день подряд. Анна перестала ночевать в Москве, переселилась во флигель к Андрею, а мать под благовидным предлогом отправила к дальней родственнице в Тверь.

– Они ждут, – говорил Векслер, собирая экстренное совещание в подвале. – Ждут, когда мы выйдем наружу, когда ослабим бдительность. Или готовят операцию по захвату.

– Сколько у нас времени? – спросил Светлов, нервно постукивая пальцами по столу.

– Думаю, один день. Может быть, два. Потом они поймут, что мы никуда не едем, и начнут действовать.

Андрей поднялся со своего места, подошел к установке, положил руку на холодный металл вакуумной камеры.

– А если мы не будем ждать? Если мы сделаем это первыми?

Все посмотрели на него. Анна первой поняла, что он имеет в виду.

– Переход? Ты хочешь попробовать перейти?

– А почему нет? – Андрей обвел взглядом коллег. – Мы знаем, что эффект работает. Мы знаем, что в момент аннигиляции открывается окно в другие слои реальности. Мы уже видели те миры, уже получали оттуда материю. Остался один шаг – отправить туда сознание. Отправить себя.

– Это безумие, – тихо сказал Светлов. – Мы не знаем, что там. Не знаем, выживем ли. Не знаем, сможем ли вернуться.

– А здесь мы знаем, что будет? – возразила Анна. – Здесь нас ждет либо тюрьма, либо пуля от Полунина, либо подвал в Лэнгли до конца жизни. Я выбираю неизвестность.

Дима Соболев, до этого молча сидевший за компьютером, поднял голову.

– Я просчитал параметры. Если мы создадим резонанс на частоте, которую засекли при прошлом контакте, вероятность открытия стабильного перехода – около семидесяти процентов. Длительность окна – примерно три секунды. За это время можно успеть.

– Три секунды, – усмехнулся Векслер. – Чтобы прыгнуть в неизвестность. Романтично.

– Лев Борисович, – Андрей подошел к учителю, посмотрел ему в глаза. – Мы не имеем права оставаться. Если наши разработки попадут к тем людям, что сидят сейчас в кустах у забора, это конец. Не для нас – для человечества. Они используют эффект для оружия, для контроля, для всего того, против чего мы боролись. Мы должны унести это знание туда, где его не найдут.

Векслер долго молчал, глядя на установку, на графики, на лица своих учеников. Потом медленно кивнул.

– Готовьте переход. Мы уходим все вместе. Или никто.

Три часа ушло на подготовку. Светлов проверял каждое соединение, каждый провод. Анна калибровала датчики, выставляла параметры с ювелирной точностью. Дима писал программу, которая должна была автоматически поддерживать резонанс в течение тех самых трех секунд. Андрей и Векслер перепроверяли расчеты, ища малейшую ошибку, малейший просчет.

Ночью 15 апреля, когда луна спряталась за тучи, а наблюдение немного ослабло – вероятно, оперативники решили, что в такую темень никто не полезет, – они собрались в подвале в последний раз. Каждый взял с собой минимум: документы, тетради с расчетами, немного еды, воду. Анна сунула в рюкзак фотографию матери. Светлов – старый армейский нож. Дима – флешки с программами.

Векслер – потрепанный томик стихов Пастернака. Андрей – только блокнот с формулами.

– Готовы? – спросил Векслер, оглядывая свою маленькую команду.

– Готовы, – ответили все почти хором.

– Дима, запускай.

Соболев нажал клавишу. Лазер взвыл на предельной мощности, вакуумная камера засветилась изнутри странным фиолетовым светом. Датчики зашкалило. Воздух в подвале запах озоном и чем-то еще, незнакомым, чужим. И вдруг в центре камеры, там, где сходились лучи, возник проем. Мерцающая дверь, за которой угадывался иной пейзаж, иное небо, иная реальность.

– Три секунды, пошли! – крикнул Андрей и схватил Анну за руку.

Она шагнула первой, не раздумывая. За ней – Дима, прижимающий к груди рюкзак с дискетами. Потом Светлов, на ходу обернувшийся и бросивший прощальный взгляд на подвал, где прошли лучшие годы его жизни. И наконец Векслер, которого Андрей буквально втолкнул в проем, прыгая следом.

Проем схлопнулся за их спинами, оставив после себя только слабый запах гари и потрескивание остывающей аппаратуры. А через полчаса оперативники ЦРУ, заметившие странное свечение из окон дачи, ворвались в пустой подвал, где их встретили только еще теплые приборы и застывшие на мониторах графики последнего эксперимента.

– Ушли, – констатировал старший группы, оглядывая пустоту. – Но куда? И главное – как?

Анна открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Голова кружилась, в ушах стоял звон, а перед глазами все плыло. Кто-то тряс ее за плечо.

– Аня! Аня, очнись! – голос Андрея пробивался сквозь вату в ушах. – Ты как?

– Кажется, жива, – прошептала она, пытаясь сфокусировать зрение. – Где мы?

Она села и огляделась. Они лежали на мягкой траве, очень похожей на земную, но с серебристым отливом. Вокруг простиралась равнина, поросшая странными растениями – не то кустарниками,

не то деревьями, чьи листья переливались всеми оттенками зеленого и синего. А высоко в небе, которое было чуть темнее земного, висели две луны. Одна – крупная, желтоватая, вторая – поменьше, с голубоватым отливом.

– Две луны, – выдохнул Дима, поднимаясь на ноги и запрокидывая голову. – Мы реально в другом мире.

Векслер сидел на траве, держась за сердце, но лицо его светилось.

– Получилось, мальчики и девочки. У нас получилось.

Светлов уже обследовал окрестности, заглядывая за ближайšie кусты.

– Мужики, тут воздух пригоден для дыхания. Даже вкусный какой-то, свежий. Сила тяжести примерно как на Земле. Температура – градусов восемнадцать. Если бы не две луны, сказал бы, что мы где-то в средней полосе России.

– Надо искать людей, – Анна встала, отряхнула одежду. – Если здесь есть разумная жизнь, рано или поздно мы с ней встретимся. Лучше, чтобы это произошло на наших условиях.

– А если жизнь неразумная? – хмыкнул Дима. – Если тут динозавры бегают?

– Тогда будем учиться бегать быстрее динозавров, – отрезала Анна.

Они двинулись в сторону видневшегося на горизонте холма. Шли осторожно, прислушиваясь к каждому шороху, вглядываясь в каждый куст. Мир вокруг был прекрасен и пугающе чужд. Птицы, если это были птицы, пели незнакомыми голосами. Насекомые, размером с земных шмелей, переливались всеми цветами радуги. А воздух действительно был необыкновенно свежим, будто после грозы.

Холм оказался выше, чем казался издали. Поднявшись на вершину, они замерли. Внизу, в долине, раскинулось поселение. Не город в привычном понимании, а скорее большая деревня, состоящая из причудливых зданий, напоминающих одновременно и античные храмы, и футуристические постройки. Между домами двигались фигурки людей.

– Люди, – прошептала Анна. – Настоящие люди.

– Или не совсем люди, – поправил Андрий, вглядываясь. – Смотрите, они выше ростом, стройнее. И одежда... необычная.

Спускаться в долину они не решились. Вместо этого разбили временный лагерь на склоне холма, спрятавшись за большими валунами, и стали наблюдать. К вечеру, когда две луны вышли на небо и залили долину мягким светом, к ним пришли.

Они появились бесшумно, словно выросли из травы. Трое высоких, стройных существ, очень похожих на людей, но с чуть более вытянутыми лицами, большими глазами и странной грацией в движениях. Одежда их переливалась серебром, а на груди у каждого светился небольшой кристалл.

– Не бойтесь, – сказал один из них на странной смеси языков, в которой угадывались латынь, греческий и еще что-то древнее, забытое. – Мы не причиним вам вреда. Мы ждали вас.

Анна, знавшая несколько языков, сделала шаг вперед.

– Вы говорите на языках Земли? Как это возможно?

Существо улыбнулось – человеческой, теплой улыбкой.

– Потому что мы тоже с Земли. Вернее, наши предки. Очень давно. Тогда, когда ваш мир еще не знал письменности, а наши уже строили города.

Векслер вышел из-за валуна, забыв про осторожность.

– Кто вы? Как вы здесь оказались?

– Мы такие же, как вы, – ответил второй, женщина с длинными серебристыми волосами. – Ученые. Первопроходцы. Беглецы. Мы открыли эффект перехода много тысячелетий назад. И спасались от преследования точно так же, как спасаетесь сейчас вы. Только ваш мир называл нас атлантами.

– Атланты? – выдохнул Светлов. – Легендарная Атлантида? Это были вы?

– Мы, – кивнул первый. – Наш мир погиб. Не от катаклизма – от людской жадности. Мы ушли, спасая знание. И с тех пор живем здесь. Освоили этот мир, построили новую цивилизацию. И ждем таких же, как мы.

– Ждали нас? – недоверчиво спросил Андрей.

– Ждали всех, кто постучится, – женщина сделала шаг вперед, протянула руку Анне. – Добро пожаловать в наш дом, дети Земли.

Добро пожаловать в мир, где знание служит жизни, а не смерти. Вы прошли долгий путь. Теперь вы дома.

Анна взяла протянутую руку – теплую, живую, человеческую. И в этот момент поняла, что страх отпускает. Что здесь, в этом мире с двумя лунами, среди потомков легендарных атлантов, они действительно могут найти то, чего никогда не имели на родной планете. Свободу. Мир. И возможность заниматься наукой не для войны, а для познания.

– Пойдемте, – сказала женщина. – Вас ждут. И вам есть что рассказать друг другу.

Они спустились в долину под светом двух лун, и каждый из шестерых землян чувствовал, что старая жизнь кончилась. Навсегда. А новая – только начинается.

ГЛАВА 7: ОХОТА

Анна смотрела на две луны, висящие над долиной, и не могла поверить, что все это происходит наяву. Поселение атлантов, раскинувшееся у подножия холма, дышало покоем и мудростью. Здания из белого камня, переливающиеся кристаллы на крышах, сады с невиданными растениями – все это походило на сон, на сказку, на мираж, который вот-вот растает с рассветом.

Но рассвет наступил, и мираж не растаял. Наоборот – стал еще реальнее. Их провели в одно из зданий, где накормили странной, но вкусной едой, напоминающей фрукты и злаки, и усадили в круг у большого окна, выходящего на центральную площадь.

– Меня зовут Аэлл, – представилась женщина с серебристыми волосами, та, что первой коснулась руки Анны. – Я хранительница Знания в нашем поселении. А это – мой брат, Таэл, и наш старейшина, Оррис.

Оррис был древним, очень древним. Морщины избородили его лицо, но глаза оставались ясными и молодыми, как у юноши. Он смотрел на пришельцев с интересом и легкой грустью.

– Мы наблюдали за вашим миром долгое время, – начал он голосом, скрипучим, но мелодичным. – С тех пор, как ушли. Видели взлеты и падения, войны и открытия. Знали, что однажды вы придете. Эффект Шарнхорста – это лишь одно из имен того, что наши предки называли Песнью Творения.

– Вы знали о нас? – изумился Векслер. – Все это время?

– Знали, что кто-то придет, – поправил Таэл. – Не знали, кто именно. Но когда ваши эксперименты начали пробивать ткань

реальности, мы почувствовали это. Ваше первое растение, которое сгорело в камере, – оно было из наших садов.

– Так это вы послали его? – Анна подалась вперед.

– Нет, – улыбнулся Оррис. – Оно просто оказалось рядом с разрывом. Случайность. Но случайность, которая свела нас вместе. Судьба, если хотите.

Дима, сидевший в углу с рюкзаком на коленях, вдруг поднял голову.

– А вы можете вернуть нас обратно? Если мы захотим?

Атланты переглянулись. Аэлл ответила осторожно:

– Можем. Но нужно ли? Ваш мир опасен для вас. Мы чувствуем это. Там, откуда вы пришли, за вами охотятся.

– Охотятся, – подтвердил Светлов мрачно. – И если они найдут установку...

– Установка осталась там, – напомнил Андрей. – В подвале. Мы ушли, но оборудование...

– Они его найдут, – перебил Векслер. – Это вопрос времени. И тогда...

Он не договорил. Но все поняли. Если установка попадет в руки Полунина или западных спецслужб, эффект Шарнхорста станет оружием. И последствия будут катастрофическими.

– Мы должны вернуться, – твердо сказал Андрей. – Хотя бы для того, чтобы уничтожить установку. Чтобы никто не смог ей воспользоваться.

– Это безумие! – воскликнул Светлов. – Там эти... охотники! Они только и ждут, чтобы схватить нас!

– Значит, мы будем осторожны, – Андрей посмотрел на атлантов. – Вы можете? Сможете открыть переход обратно?

Оррис задумался, поглаживая длинную седую бороду.

– Сможем. Но предупреждаю: время там течет иначе. Пока вы были здесь, там прошло всего несколько часов. Но если вы вернетесь, риск велик. Мы не сможем защитить вас.

– Мы сами за себя ответим, – Векслер поднялся, расправил плечи. – Дело чести. Мы не имеем права оставить эту бомбу тем, кто ее взорвет.

– Тогда идите, – кивнул Оррис. – Аэлл и Таэл проводят вас к месту перехода. И помните: мы будем ждать. Если захотите вернуться – зовите. Мы услышим.

Тем временем на даче Векслера в Кратово разворачивались события, о которых ученые даже не подозревали. Серый «Опель» уже не стоял у поворота – вместо него у калитки замерли два черных джипа с тонированными стеклами, а в кустах у забора затаились люди в камуфляже.

Виктор Полунин, постаревший, но все такой же грузный и властный, стоял у ворот и курил, глядя на дом. Рядом с ним переминался молодой человек в штатском – его новый помощник, приставленный от «новых структур», как теперь называли остатки когда-то могущественного КГБ. В гражданской жизни он возглавлял частное охранное предприятие ЧОП «Барс», одно из тех стремительно появлявшихся в Москве фирм, где бывшие офицеры спецслужб и армии пытались найти свое место в новой реальности.

– Долго нам еще ждать, Виктор Петрович? – спросил помощник нервно.

– Сколько надо, столько и будем, – отрезал Полунин. – Эти орлы не выйдут просто так. Они там, в подвале, сокровища стерегут. Но и мы не лыком шиты. Перекрыли все выходы?

– Так точно. Лесная улица блокирована с двух сторон. Люди на крышах. Если сунутся – возьмем тепленькими.

– Возьмем, – усмехнулся Полунин. – Только смотрите, чтобы без шума. Соседи ни к чему.

Он не знал, что в сотне метров от него, за оврагом, работали другие. Агенты ЦРУ, получившие приказ любой ценой захватить ученых и оборудование, тоже не теряли времени даром. Джон Маккинли лично руководил операцией, расположившись в фургоне с аппаратурой прослушки.

– Они внутри, – доложил оперативник, снимая наушники. – По крайней мере, тепловизоры показывают движение в подвале. Но странно: сигналы слабые, будто там не люди, а...

– А что?

– Не знаю, сэр. Похоже на остаточное тепло. Как будто они только что были там, но уже ушли.

Маккинли выругался сквозь зубы.

– Ждем. Если через час не выйдут – идем на штурм. И плевать на русских. Приказ из Лэнгли – оборудование любой ценой.

В этот момент в подвале, где еще гуляло эхо недавнего перехода, воздух вдруг снова замерцал. Фиолетовая вспышка – и на бетонном полу материализовались шестеро – Андрей, Дима, Светлов, Векслер и... двое незнакомцев в серебристых одеждах.

– Тихо! – шепнула Аэлл, прижимая палец к губам. – Здесь кто-то есть. Много людей. Снаружи.

– Я чувствую, – кивнул Таэл, закрывая глаза. – Они ждут. Готовятся к штурму.

– Сколько у нас времени? – спросил Светлов, оглядывая подвал. Все было на месте – установка, компьютеры, приборы.

– Минут десять, – ответил Таэл. – Потом они войдут.

– Успеем, – Андрей уже колдовал над пультом. – Мы должны уничтожить все. Стереть программы, взорвать накопители. Чтобы ничего не досталось ни Полунину, ни этим... западным.

– А как же мы? – Дима побледнел. – Если мы уничтожим установку, мы не сможем вернуться к атлантам!

– Сможем, – Аэлл подошла к нему, положила руку на плечо. – Мы здесь. Мы проводим вас обратно. Переход возможен без установки – нужно только сосредоточение и знание. Наши предки научились этому давно.

– Тогда работаем, – скомандовал Векслер. – Миша, снимай жесткие диски. Дима, собери все записи и блокноты, и помоги Андрею заложить заряд. У нас пять минут.

Они работали как одержимые, не обращая внимания на усталость и страх. Четыре с половиной минуты спустя в подвале не осталось ничего, что могло бы выдать тайну эффекта Шарнхорста. Программы стерты, бумаги сожжены в старой печке, лазер и вакуумная камера опутаны проводами с детонатором.

– Уходим, – выдохнул Светлов. – Быстро.

Но в этот момент снаружи раздался шум. Крики, топот, выстрелы.

– Русские и американцы встретились, – констатировал Таэл, выглянув в зарешеченное окно. – Стреляют друг в друга. Нам повезло – они отвлеклись.

– Бежим! – Светлов рванул к двери, ведущей в сад.

Они выскочили наружу и тут же попали под перекрестный огонь. Пули свистели над головами, выбивали щепки из деревьев, врезались в стены дома. Светлов вскрикнул, резко схватился за плечо и, потеряв равновесие, упал в талый снег.

– Миша! – Векслер бросился к нему, но Таэл опередил, подхватил раненого, почти невесомого для его атлантской силы.

– Назад! В подвал! – крикнул Андрей.

Они влетели обратно, захлопнули тяжелую металлическую дверь. Пули стучали по ней, но не пробивали – старый советский металл держал удар.

– Он ранен, – Аэлл склонилась над Светловым, осматривая плечо. – Пуля прошла навылет, крови много, но жить будет. Если успеем.

– Успеем, – Таэл уже встал в центр комнаты, закрыл глаза, раскинул руки. Аэлл присоединилась к нему. Воздух вокруг них начал мерцать, загустел, запах озоном.

– Беритесь за руки! – крикнула Аэлл. – Все! Быстро!

Дима схватил Андрея, тот – Векслера, Векслер – раненого Светлова. Атланты замкнули круг. Фиолетовое свечение разгоралось, заполняя подвал, вытесняя тьму, вытесняя страх, вытесняя саму реальность.

В этот момент дверь подвала содрогнулась от мощного удара. Еще удар – и она начала поддаваться.

– Уходим! – выдохнул Таэл.

Свечение вспыхнуло ослепительным светом, и подвал опустел. А через секунду дверь рухнула, и в проем ворвались люди Полунина с автоматами наперевес.

– Чисто! – крикнул один из них, оглядывая пустую комнату. – Никого!

Полунин вошел следом, тяжело дыша. Он оглядел пустые стойки, остывшие приборы, провода, ведущие к лазеру, и вдруг заметил то, чего не увидели бойцы ЧОПа – маленький красный огонек, мерно мигающий на детонаторе.

На долю секунды все стало кристально ясным.

– Назад! Всем назад! – рывкнул он.

Полунин развернулся и первым рванул к выходу. Бойцы ЧОПа бросились за ним. Они успели отбежать на десятки метров, когда ночь разорвал глухой удар.

Взрыв поднял дом вместе с подвалом в воздух. Стена огня и обломков взметнулась над деревьями, разметав по саду доски, кирпич и стекло. Ударная волна прокатилась по улице, пригибая ветви и выбивая стекла в соседних домах.

Полунин остановился только тогда, когда понял, что они уже достаточно далеко. Он обернулся.

Там, где стоял дом, бушевало пламя, освещающая небо над Кратово и закрывая свет луны, поднявшейся над поселком.

ГЛАВА 8: ПОРОГ РЕАЛЬНОСТИ

Взрыв разметал подвал, но не уничтожил главное. Когда дым рассеялся и пыль осела, Полунин увидел то, от чего у него перехватило дыхание. Вакуумная камера, чудом уцелевшая в эпицентре взрыва, стояла на месте, окруженная обломками и искореженным металлом. А перед ней, в круге странного фиолетового света, замерли люди. Шестеро. Они стояли, взявшись за руки, и свет исходил от них самих, от их тел, от их глаз.

– Огонь! – заорал Полунин, но было поздно.

Пули вошли в круг и... исчезли. Просто растворились в воздухе, не долетев до цели. Оперативники в ужасе отшатнулись, кто-то выронил автомат, кто-то перекрестился.

В этот момент свет начал пульсировать – то вспыхивая ярче, то угасая. В его глубине, за спинами ученых, стало проступать изображение: долина, холмы, странные здания и две луны в фиолетовом небе.

– Они уходят! – крикнул кто-то из оперативников. – Не дайте им уйти!

Но сделать ничего было нельзя. Пули не пробивали круг. Люди не могли приблизиться – невидимая сила отбрасывала их назад, едва они делали шаг к фиолетовому сиянию.

– Сигнал маяка, – тихо сказал Дима, глядя куда-то вдаль, туда, где в проступающем изображении стояли две стройные фигуры в серебристых одеждах. – Аэлл и Таэл. Они нас зовут.

– Слышу, – кивнул Андрей. – Мы идем.

– Миша, держись, – Векслер прижал к себе раненого инженера. – Еще немного. Потерпи.

– Да я ничего, – прошептал Светлов. – Я даже не чувствую боли. Только тепло. И покой. Лев Борисович... а ведь мы победили.

– Победили, Миша. Мы победили.

Полунин рванулся вперед, но его отбросило назад с такой силой, что он проломил спиной хлипкую перегородку и рухнул на груды обломков.

– Стреляйте! – заорал он, поднимаясь. – Стреляйте из всего, что есть!

Автоматные очереди хлестнули по кругу. И снова пули исчезали, не долетая, растворялись в фиолетовом мареве, как капли дождя в раскаленной пустыне.

А свет все усиливался. Изображение за спинами ученых становилось все четче, все реальнее. Вот уже можно было разглядеть лица атлантов, их протянутые руки, их улыбки. Вот уже запахло травой того мира, цветами, свежестью.

– Прощайте, товарищ генерал, – Векслер посмотрел прямо в глаза Полунину. – Живите долго. И помните: знание, которое вы хотели украсть, не для вас. Оно для тех, кто умеет им пользоваться.

– Стоять! – заорал Полунин, выхватывая пистолет у ближайшего оперативника. – Я приказываю!

Он выстрелил. Пуля вошла в круг и... застыла. Повисла в воздухе в нескольких сантиметрах от груди Андрея. Потом медленно развернулась и полетела обратно, ударив в стену рядом с головой генерала.

– Это вам на память, – усмехнулся Андрей. – Чтобы не забывали, как опасно играть с тем, чего не понимаешь.

Свет вокруг них вспыхнул в последний раз – ослепительно, нестерпимо ярко. Оперативники зажмурились, закрыли лица руками. А когда свет погас, подвал был пуст. Ни ученых, ни круга, ни фиолетового сияния. Только груды обломков, искореженная аппаратура и тишина, нарушаемая лишь чьим-то сдавленным всхлипом.

Полунин медленно подошел к тому месту, где только что стояли люди. Опустился на колени, провел рукой по бетонному полу.

Холодно. Пусто. Никаких следов, никаких признаков того, что здесь кто-то был.

– Ушли, – прошептал он. – Совсем ушли.

– Куда? – спросил подошедший лейтенант. Голос его дрожал.

– Туда, – Полунин кивнул в пустоту. – Где нет нас.

Он поднялся, отряхнул колени. Взгляд его упал на монитор компьютера, чудом уцелевший в углу. На экране горела одна-единственная надпись: «Сигнал маяка принят. Переход завершен. Прощайте».

– Стереть, – приказал Полунин устало. – Все стереть. Доложить, что объект уничтожен при попытке захвата. Ученые погибли. Оборудование утрачено.

– Но они же не погибли! – возразил лейтенант. – Они ушли! Мы все видели!

– Ты ничего не видел, – оборвал его Полунин, сверкнув глазами. – Тебе показалось. Стресс, контузия, что угодно. Этого не было. Понял?

Лейтенант кивнул.

– Так точно. Ничего не было.

– То-то же.

Полунин вышел из подвала, поднялся по лестнице в сад. Ночь уже опустилась на Кратово, луна светила ярко, заливая серебром искореженный взрывом дом. Одна луна. Только одна. Та, что всегда была.

А в это время по ту сторону реальности, в мире двух лун, Аэлл и Таэл встречали беглецов. Они вышли из фиолетового сияния прямо на поляну у подножия холма, и атланты подхватили их, поддержали, помогли раненому Светлову лечь на мягкую траву.

– Жив, – констатировал Таэл, осматривая плечо Михаила. – Рана чистая, кровь остановлю. Будет жить.

– Спасибо, – выдохнул Векслер, опускаясь на колени рядом с другом. – Спасибо вам за все.

– Не за что, – улыбнулась Аэлл. – Мы же одна семья теперь. Все, кто прошел через Порог. Все, кто искал свободу.

Анна огляделась. Две луны висели высоко в небе, заливая долину мягким светом. Где-то вдалеке пели ночные птицы, пахло цветами

и свежестью. Мир был прекрасен и спокоен. Мир принимал их.

– Мама, – прошептала она, глядя на луны. – Прости. Я не вернусь. Но я буду жить. По-настоящему жить.

Андрей подошел к ней, обнял за плечи.

– Не жалеешь?

– Ни секунды, – ответила Анна, и глаза ее сияли. – А ты?

– Я жалею только об одном, – Андрей посмотрел на небо. – Что мы не сделали этого раньше.

Дима уже возился с рюкзаком, проверяя, уцелели ли дискеты. Светлов, несмотря на рану, пытался шутить с Таэлом. Векслер сидел на траве, смотрел на две луны и улыбался. Улыбался так, как не улыбался много лет.

– Знаете, – сказал он вдруг, – а ведь это только начало. Мы открыли дверь. Теперь нужно понять, как здесь жить. Как строить новую науку, новую жизнь. Вместе с ними.

– Вместе, – кивнул Таэл. – Мы ждали вас тысячелетия. Теперь вы здесь. И мы будем учиться друг у друга.

– Учиться, – повторил Векслер. – Хорошее слово. Мирное слово.

Где-то вдалеке, на краю долины, зажглись огни поселения. Теплые, живые огни, зовущие к себе. И группа ученых, ведомая атлантами, медленно двинулась туда, оставляя за спиной Порог Реальности и все, что было до него.

Позади осталась Земля. Позади остались преследователи, пули, взрывы, страх. Впереди была новая жизнь. Новая надежда. Новый мир под двумя лунами.

ГЛАВА 9: ИЗГНАННИКИ

Первая неделя в новом мире пролетела как один долгий, наполненный впечатлениями день. Анна ловила себя на том, что постоянно смотрит на небо – две луны, сменяющие друг друга, непривычный фиолетовый оттенок закатов, звезды, складывающиеся в незнакомые созвездия. Все здесь было иным, чужим, но почему-то не пугающим, а наоборот – успокаивающим.

Светлова поместили в доме Аэлл, где за ним ухаживали с такой заботой, словно он был не случайным беглецом, а долгожданным родственником. Рана затягивалась с невероятной скоростью – местные целители использовали какие-то кристаллы, излучающие тепло, и травы, названия которых Михаил даже не пытался запомнить.

– Лежи смирно, – строго говорила Аэлл, меняя повязку. – Твое тело непривычно к нашему миру. Оно быстрее восстанавливается, но и быстрее устает. Нужно время.

– Времени у нас теперь много, – усмехался Светлов. – Целая вечность.

Дима и Анна тем временем познакомились с местной цивилизацией. То, что они увидели, поражало воображение. Поселение атлантов, раскинувшееся в долине, оказалось лишь малой частью большого общества, жившего по своим законам тысячелетиями. Дома строились из материала, напоминающего камень, но теплого на ощупь и словно бы светящегося изнутри. Везде росли сады, журчали фонтаны, а по мощеным улицам ходили высокие, грациозные люди в переливающихся одеждах.

– Они используют ту же энергию, – сказал Дима, разглядывая один из кристаллов, вмонтированных в стену. – Ту, что мы открыли. Только в очень слабой форме. Видишь? Он питает свет в доме, тепло, может быть, даже воду.

– Как мы в подвале, – кивнула Анна. – Только у нас была кувалда, а у них – тонкий инструмент.

Их проводником стал Таэл, брат Аэлл. Молодой атлант с живыми глазами и вечной полуулыбкой на лице оказался не только хранителем знаний, но и любознательным исследователем. Он забрасывал землян вопросами об их мире, об истории, о науке, о войнах, которые они упоминали.

– Войны, – задумчиво повторял он, когда Анна рассказывала о двадцатом веке. – Вы убивали друг друга ради земли, власти, идей. Это трудно понять. У нас нет войн уже много столетий. Мы забыли, как это – ненавидеть.

– Счастливые, – вздохнул Дима. – А мы только и делали, что воевали.

– Но вы же ученые, – возразил Таэл. – Вы создавали, а не разрушали. Иначе бы не оказались здесь.

На седьмой день, когда Светлов уже мог ходить, опираясь на плечо Векслера, старейшина Оррис пригласил всех на совет. Собрались в большом зале, стены которого были расписаны фресками, изображавшими историю атлантов. Анна долго всматривалась в одну из них – там, среди звезд и странных машин, люди в длинных одеждах проходили сквозь сияющую арку.

– Наш исход, – пояснил Оррис, заметив ее взгляд. – Десять тысяч лет назад. Может быть, больше. Мы вели летоисчисление, но потом сбились. Слишком многое изменилось.

– Расскажите, – попросил Векслер, усаживаясь на подушку, которую предложили гостям. – Как вы жили? Как пришли сюда?

Оррис погладил длинную седую бороду, помолчал, собираясь с мыслями.

– Наш мир, который вы называете Землей, был прекрасен. Мы достигли высот, о которых вы даже не мечтаете. Летали к звездам, черпали энергию из вакуума, строили города, парящие в облаках. Но внутри нас жила та же тьма, что и в вас. Жадность, властолюбие,

страх. Началась война. Не такая, как у вас, с пулями и бомбами. Хуже. Мы научились взламывать саму реальность.

Таэл подал голос из угла:

– Это была война миров внутри нашего мира. Мы открывали порталы и забрасывали врагов в другие измерения. Мы меняли структуру пространства, чтобы уничтожить целые города. Мы стали богами разрушения.

– И проиграли, – тихо добавил Оррис. – Все проиграли. Наш мир погиб. Не в огне, не во взрывах. Он просто... перестал существовать. Растворился в хаосе открытых порталов, в разрывах ткани реальности. Те, кто успел уйти, спаслись. Мы. Несколько тысяч человек, прошедших через последний переход.

– И здесь вы построили все это, – Анна обвела рукой зал. – Мирную цивилизацию.

– Ценой отказа от многого, – кивнул Оррис. – Мы поклялись никогда не использовать ту энергию, что погубила наш дом. Мы оставили себе лишь малую часть, самую безопасную. Чтобы освещать жилища, лечить раны, выращивать урожай. Но не больше. Мы стали изгнанниками, добровольно отказавшимися от могущества.

Векслер слушал, и с каждым словом лицо его становилось все мрачнее. Наконец он поднялся, прошелся по залу, остановился у фрески с исходом.

– Оррис, вы понимаете, что мы принесли с собой? Мы не просто беглецы. Мы – носители того самого знания, которое вы похоронили. Мы умеем делать то, от чего вы отказались. Мощные переходы, взрывную аннигиляцию, огромную энергию.

– Понимаю, – тихо ответил старейшина. – И боюсь.

– Чего? – спросил Дима. – Мы не враги вам. Мы пришли с миром.

– Вы пришли с миром, – согласился Оррис. – Но за вами могут прийти другие. Те, кто охотился на вас. Те, кто видел ваш переход. Если они поймут, как это работает, если они повторят ваш эксперимент...

– Они придут сюда, – закончил Андрей, до этого молча сидевший в углу. – С оружием. С желанием захватить, подчинить, уничтожить.

– Именно, – кивнул Оррис. – И тогда наш мир, наше убежище, станет полем битвы. Мы не выживем. У нас нет армии, нет оружия, нет желания воевать. Мы слишком долго жили в мире.

В зале повисла тишина. Тяжелая, гнетущая тишина. Каждый думал о своем, но мысли сходились в одной точке: они, спасаясь от преследования, принесли угрозу в единственное безопасное место, которое нашли.

– Мы уйдем, – вдруг сказал Светлов, нарушая молчание. Голос его был слаб после ранения, но тверд. – Если мы опасность для вас – мы уйдем. Найдем другой мир. Подальше отсюда.

– Куда? – горько усмехнулся Дима. – Миров бесконечное множество, но где гарантия, что в следующем нас не ждет то же самое?

– Миша прав, – поддержала Анна. – Мы не имеем права рисковать вами. Вы дали нам кров, вылечили, приняли как родных. Мы не отплатим вам войной.

Оррис поднял руку, призывая к тишине.

– Дети мои, вы не поняли. Я не гоню вас. Я просто говорю правду. Мы должны вместе подумать, как защитить этот мир, если угроза придет. У вас есть знание. У нас – опыт выживания. Вместе мы можем найти выход.

– Какой выход? – спросил Векслер. – Если они придут, они придут с армией. С техникой. С желанием убивать.

– А мы не будем ждать, – ответил Таэл, вставая рядом с сестрой. – Мы сами пойдем к ним.

Все уставились на него. Аэлл положила руку на плечо брата, предостерегая, но тот продолжал:

– Мы умеем открывать переходы. Не такие мощные, как вы, но точные. Мы можем отправить разведчиков на Землю, узнать, что там происходит. Может быть, они уже забыли о вас. Может быть, взрыв на даче убедил их, что вы погибли.

– А если нет? – Анна прикусила губу.

– Тогда мы будем готовы, – твердо сказала Аэлл. – Мы не воины, но мы не позволим уничтожить наш дом. Если придется – мы научимся защищаться.

Векслер долго смотрел на атлантов, на своих учеников, на раненого Светлова, который, несмотря на слабость, пытался встать и доказать, что готов к бою.

– Мы не должны создавать здесь оружие, – наконец сказал он. – Ни в коем случае. Это путь в никуда. Но мы должны знать, что происходит на Земле. Должны понимать, есть ли угроза. И если есть – предупредить вас. А потом... потом мы уйдем. Найдем пустой мир, где сможем жить, не опасаясь ни за кого.

– Или вернемся, – тихо добавил Андрей. – Если угроза минует.

Оррис поднялся, подошел к Векслеру, положил руки ему на плечи. Два старика, два ученых, два беглеца из разных эпох, смотрели друг другу в глаза.

– Мы построим новый союз, – сказал старейшина. – Союз изгнанников. Союз тех, кто бежал от тьмы, но готов встретить ее лицом к лицу, если она придет. Мы научим вас жить в нашем мире. А вы научите нас понимать ваш. И вместе мы решим, что делать.

– Вместе, – кивнул Векслер. – По-другому нельзя.

За окнами зала уже стемнело, две луны поднялись над долиной, заливая ее мягким серебристым светом. Где-то вдалеке пели ночные птицы, и ветер доносил запах цветущих садов. Мир был прекрасен. Мир был хрупок. И теперь он стал их домом, который предстояло защищать любой ценой.

ГЛАВА 10: ЗАБЫТЬ ЗЕМЛЮ

Три месяца пролетело в мире двух лун как одно мгновение. Анна уже перестала удивляться тому, что просыпается под фиолетовым небом, что завтракает плодами, названий которых не знает, что разговаривает с существами, помнящими времена, когда на Земле еще не было пирамид. Атланты, или как они сами себя называли – аэлли, от имени своей прародительницы, – приняли землян с удивительной теплотой. Их поселили в отдельном доме на краю долины, дали одежду, еду, доступ к библиотекам кристаллов, где хранились знания тысячелетий.

Дима Соболев первым освоил местную технологию записи информации и теперь днями пропадал в хранилищах, пытаясь сопоставить историю атлантов с тем, что знала земная наука. Светлов, окончательно оправившийся от ранения, помогал местным мастерам совершенствовать их кристаллические генераторы, находя общее между земной электроникой и здешней энергетикой. Анна учила детей аэлли земным языкам, а сама училась у них древним наречиям, на которых говорили еще до исхода. Векслер и Андрей часами сидели с Оррисом и Таэлом, обсуждая природу реальности, структуру миров, тайны переходов.

Но тень Земли все еще висела над ними. Никто не говорил об этом вслух, но каждый чувствовал: они не могут оставаться здесь, пока существует угроза. Пока на их родной планете есть люди, знающие об эффекте Шарнхорста, о переходе, о мире двух лун. Если те, кто охотился за ними, найдут способ повторить эксперимент, сюда придет война.

– Мы должны решить, – сказал Векслер, собирая всех в доме, который стал их штабом. – Дальше откладывать нельзя. Дима, что у тебя?

Соболев выложил на стол небольшой прибор, собранный из местных материалов и остатков земной электроники. Портативный генератор перехода, миниатюрная версия той установки, что сгорела в подвале.

– Работает, – тихо сказал он. – Я проверил. Может открыть окно на несколько секунд. Туда и обратно. Достаточно, чтобы отправить разведчика или вернуть кого-то с Земли.

– И достаточно, чтобы нас засекли, – добавил Андрей. – Если они научились сканировать частоты переходов, этот прибор – как маяк. Они увидят его за миллион миров.

– Поэтому я и не включал на полную, – Дима защищался, но в голосе его не было уверенности. – Только тесты, минимальная мощность.

– Все равно риск, – вздохнула Анна. – Мы не знаем, что там, на Земле. Может быть, они уже забыли. А может быть, ищут до сих пор.

Светлов, сидевший у окна с чашкой местного напитка, напоминающего чай, повернулся к ним.

– А если ищут? Если Полунин или эти, из ЦРУ, все еще роют землю? Они найдут способ. Они упрямые.

– Значит, надо убрать маяк, – твердо сказал Векслер. – Уничтожить прибор. Стереть все записи о переходах. Стать невидимыми для тех, кто ищет.

– А если нам придется бежать снова? – возразил Дима. – Если здесь станет опасно? Мы останемся без возможности уйти.

– Тогда мы встретим опасность здесь, – ответил Векслер. – Вместе с аэлли. Мы не можем всю жизнь бегать по мирам, оставляя за собой след. Рано или поздно надо остановиться.

Наступила тишина. Каждый думал о своем. Анна вспоминала мать, оставшуюся в московской квартире, и понимала, что больше никогда ее не увидит. Светлов думал о мастерской, где прошла его молодость, о недостроенных приборах, о несделанных открытиях. Дима – о дискетах с программами, которые он сжег перед уходом,

о коде, который писал ночами. Андрей — о своей смерти, инсценированной семь лет назад, о том, что для Земли он уже давно призрак.

— Я согласен, — вдруг сказал Андрей. — Надо уничтожить. Чтобы не было соблазна. Чтобы не думать о возвращении. Мы здесь. Это наш дом теперь.

— А наука? — тихо спросил Дима. — Наши знания? Мы просто закопаем их?

— Наука не в приборах, Дима, — Векслер подошел к нему, положил руку на плечо. — Наука в головах. В том, что мы знаем и умеем. Мы можем передать это аэлли. Они сохраняют, разовьют, используют во благо. А железки... железки не главное.

Они позвали Орриса и Аэлла. Старейшина выслушал их молча, потом долго смотрел на прибор, лежащий на столе.

— Вы уверены? — спросил он наконец. — Это последняя нить, связывающая вас с родным миром.

— Мы уверены, — ответила Анна за всех. — Родного мира больше нет. Для нас. Есть только здесь.

— Тогда делайте, — кивнул Оррис. — Мы будем рядом.

Дима взял прибор в руки. Тяжелый, теплый, собранный с такой любовью и тщательностью. Он провел пальцем по корпусу, по едва заметным царапинам, по кнопкам, которые сам выточил из местного кристалла.

— Жалко, — прошептал он. — Очень жалко.

— Я знаю, — тихо ответил Векслер. — Но так надо.

Дима положил прибор на каменный пол, достал небольшой молоток, который принес с собой. Размахнулся и ударил. Хрустнул корпус, брызнули осколки кристаллов, что-то заискрило и погасло. Еще удар, еще. Через минуту на полу лежали только обломки, ничем не отличающиеся от обычного мусора.

— Все, — выдохнул Дима, роняя молоток. — Нет больше дороги назад.

Анна подошла к нему, обняла. Светлов отвернулся к окну, скрывая глаза. Андрей смотрел на обломки и думал о том, что семь лет назад, в том кабинете, где все начиналось, он и представить не мог, чем это кончится. И хорошо, что не мог.

Векслер поднял руку, привлекая внимание.

– Друзья мои. Коллеги. Товарищи, если хотите. Мы прошли долгий путь. От секретного института до дачного подвала. От дачного подвала до этого мира. Мы потеряли все, что у нас было – дома, семьи, родину. Но мы сохранили главное – знание и совесть.

Он обвел взглядом каждого из них, задержался на лицах атлантов, стоящих в дверях.

– Наука не имеет границ. Она не знает, где кончается один мир и начинается другой. Но у науки есть ответственность. Ответственность за то, как используются ее открытия. Мы видели, что происходит, когда знание попадает в руки тех, кто хочет власти. Мы не допустим этого больше никогда. Ни здесь, ни в каком другом мире.

– Что вы предлагаете? – спросил Таэл, входя в комнату.

– Мы остаемся, – твердо сказал Векслер. – Навсегда. Мы станем частью вашего общества. Будем учить ваших детей, делиться тем, что знаем, и учиться у вас. Мы похороним здесь все, что связывало нас с Землей, и начнем новую жизнь.

– А если придут? – спросила Аэлл. – Те, кто ищет?

– Если придут, мы встретим их вместе, – ответил Андрей. – Но без нашей установки, без наших приборов, им будет трудно нас найти. Мы станем тенью. Растворимся в вашем мире.

– И поможем вам защитить его, если понадобится, – добавил Светлов. – Мы не воины, но мы ученые. А ученый, если надо, может сделать оружие из палки и камня.

Оррис улыбнулся, и в его древних глазах блеснули слезы.

– Вы настоящие дети Атлантиды, – сказал он. – Такие же, как мы. Беглецы, нашедшие новый дом. Мы примем вас. Мы разделим с вами все, что имеем. И вместе мы построим мир, где знание служит жизни.

Они вышли из дома под свет двух лун. Ночь была теплой, пахло цветами, и где-то вдалеке слышалась музыка – аэлли праздновали какой-то свой праздник. Анна взяла Андрея за руку, Дима обнял за плечи Светлова, Векслер опирался на руку Таэла. Они шли по тропинке вниз, к огням поселения, и каждый чувствовал, что старая жизнь кончилась. Навсегда.

– Знаете, – вдруг сказал Андрей, – я ведь никогда не любил шум, суету. А здесь... здесь тихо. Хорошо.

– Привыкнешь, – усмехнулся Светлов. – Через пару тысяч лет вообще своим станешь.

– Тысяч? – удивилась Анна.

– А ты думала? – Светлов подмигнул. – Здесь время другое. Кто знает, сколько мы проживем. Может, вечность.

– Вечность – это слишком, – покачал головой Векслер. – Но долгая жизнь – хорошая награда за все, что мы пережили.

Они вошли в поселение, и их окружили аэлли. Кто-то протягивал фрукты, кто-то цветы, дети бежали следом, крича на смеси языков. Земляне улыбались, отвечали, обнимали детей, пробовали угощения. И постепенно, шаг за шагом, они становились частью этого мира. Частью новой семьи.

А далеко-далеко, в другом измерении, на развалинах дачи в Кратово, ветер шелестел обгоревшими бумагами и завывал в пустых оконных проемах. Люди в штатском еще несколько месяцев копались в обломках, искали хоть что-то, хоть намек на то, куда исчезли ученые. Но находили только пепел и ржавый металл. Проект «Шарнхорст» стал легендой. Секретной, засекреченной, забытой. Но живущей в тех немногих, кто знал правду.

А здесь, под двумя лунами, начиналась новая история. История изгнанников, нашедших дом.

ЭПИЛОГ: ЭФФЕКТ БАБОЧКИ

Двадцать лет – срок немалый для человеческой жизни, но ничтожный для истории миров. На Земле многое изменилось. Энергетический кризис, предсказываемый в девяностых, был преодолен благодаря развитию альтернативной энергетики и новым технологиям, пришедшим с Запада и Востока. О проекте «Шарнхорст» забыли. Архивы засекретили, документы уничтожили, свидетелей или не осталось, или они молчали. Дача Векслера в Кратово, восстановленная после взрыва, долго пустовала, потом перешла в частные руки, а в две тысячи десятом году местные энтузиасты устроили в ней музей истории науки – скромный, полузаброшенный, но с табличкой у входа: «Здесь в девяностые годы работала группа физиков, внесших вклад в развитие отечественной астрофизики».

Конечно, никто не знал, какой именно вклад и в какое развитие. Легенда гласила, что здесь жил и работал профессор Векслер, а после его исчезновения дом переходил из рук в руки. Теперь тут водили экскурсии для школьников, показывали старые приборы, рассказывали байки о советских ученых.

В августе две тысячи тринадцатого года, в тот самый день, когда две луны в другом мире поднялись над долиной, в сарае на территории музея играли дети. Местный сторож, старый уже пенсионер, когда-то служивший в охране, разрешил внукам лазать по заброшенным постройкам, лишь бы не мешали. Мальчишка лет десяти и его младшая сестра копались в хламе, оставшемся

от прежних хозяев, когда вдруг сестра наткнулась на что-то металлическое, наполовину засыпанное землей и ржавчиной.

– Смотри, – позвала она брата. – Что это?

Вдвоем они откопали прибор. Небольшой, размером с книгу, с экраном, покрытым пылью, и несколькими кнопками, давно неработающими. Мальчик постучал по корпусу, подул на экран – и вдруг тот засветился. Слабым, зеленоватым светом, но засветился. По экрану побежали буквы. Не русские, не английские – какие-то странные, похожие на рисунки.

– Деда! – закричали дети хором. – Деда, иди сюда! Тут работает!

Старик приковылял на крики, долго разглядывал находку, протирал очки, качал головой.

– Чудно, – пробормотал он. – Двадцать лет пролежало – и работает. Надо же. А буквы-то какие... греческие, что ли?

Он не знал древнегреческого, но надпись на экране гласила: «Тот, кто прочтет это, знай: мы ушли, но мы живы. Ищи нас за двумя лунами». Это было послание, которое Дима Соболев, изучивший язык атлантов и древние наречия, зашифровал в последнем датчике перед уходом. Он не надеялся, что его прочтут. Просто не мог не оставить след. Как записка в бутылке, брошенная в океан.

Дети, конечно, ничего не поняли. Старик пожал плечами и выключил прибор, решив потом отдать его в музейную экспозицию. А через три дня датчик затерялся в суете, перекочевал в подсобку, потом на чердак – и снова забылся на долгие годы. Но сигнал, посланный им, не пропал. Он ушел в эфир, пробился сквозь слои реальности, сквозь время и пространство, туда, где ждали.

В тот же вечер, в мире двух лун, двое стариков сидели на холме, глядя на звезды. Лев Векслер – совсем уже древний, но с живыми, молодыми глазами – и Анна Коваль, поседевшая, но сохранившая ту же острую, цепкую внимательность во взгляде. Двадцать лет прошло с тех пор, как они ступили на эту землю. Двадцать лет новой жизни, новых открытий, новых потерь и обретений.

Дима Соболев стал главным хранителем знаний, соединившим земную науку с наследием атлантов. Михаил Светлов, несмотря на возраст, все еще возился с кристаллами и генераторами, обучая

молодых аэлли тонкостям ремесла. Андрей Вольский, тот самый молодой теоретик из пролога, поседел и осунулся, но не потерял огня в глазах — он руководил исследовательским центром, где земляне и атланты вместе пытались понять природу мироздания.

А Векслер и Анна часто приходили сюда, на холм, откуда открывался вид на всю долину. Смотрели на звезды, на две луны, на огни поселения внизу. И иногда, очень редко, вспоминали Землю.

— Смотри, — вдруг сказала Анна, указывая в небо. — Что это?

Одна из звезд, яркая, хорошо знакомая обоим — Солнце, их родное Солнце, видимое отсюда как точка света, — вдруг начала мигать. Ритмично, короткими и длинными вспышками, как будто кто-то посылал сигнал.

Векслер прищурился, всмотрелся, и сердце его дрогнуло.

— Азбука Морзе, — прошептал он. — Этого не может быть.

— Что там? — Анна вцепилась в его руку.

— Они пишут, — голос Векслера дрожал. — Они пишут: «Мы помним. Мы ищем. Мы верим, что вы живы».

— Это наш сигнал, — выдохнула Анна. — Тот, что мы оставили. Датчик. Его кто-то включил.

Двадцать лет назад, перед уходом, Дима запрограммировал один из датчиков на автоматическую передачу сигнала в случае активации. Простая азбука Морзе, приветствие тем, кто остался, тем, кто будет искать. И вот сигнал дошел. Через два десятилетия, через слои реальности, через забвение и пыль музейных запасников.

— Они живы, — прошептала Анна, глядя на мигающую звезду. — Там, на Земле, кто-то жив. Кто-то помнит.

— Или дети, нашедшие игрушку, — усмехнулся Векслер, но в глазах его стояли слезы. — Но это неважно. Важно, что круг замкнулся. Мы ушли, но мы не исчезли. Мы оставили след. И этот след нашелся.

Они долго сидели молча, глядя, как мигает звезда. Сигнал повторялся снова и снова, словно настойчивый голос из прошлого, зовущий, спрашивающий, ищущий.

— Ответим? — спросила Анна.

— А нужно? — Векслер повернулся к ней. — Что мы скажем? Где мы? Как мы? Мы счастливы? Это разрушит их жизнь, Аня. Знание

о нас, о том, что переход возможен, что есть другие миры, — оно опасно. Мы знаем это лучше других.

— Значит, промолчим?

Векслер долго молчал, глядя на звезды. Потом медленно поднялся, опираясь на палку, которую носил с собой последние годы.

— Нет, — сказал он наконец. — Не промолчим. Мы ответим. Но не словами. Мы ответим делом. Продолжим здесь то, что начали там. Будем строить мир, где знание служит добру. И когда-нибудь, через много лет, наши потомки встретятся. Не как враги, не как охотники и жертвы, а как братья, разделенные реальностью.

Анна кивнула, взяла его под руку. Они пошли вниз, к огням поселения, к своим, к новой жизни. А звезда все мигала у них за спиной, посылая весть через бездну пространства и времени. Весть о том, что связь не прервана. Что память жива. Что эффект Шарнхорста, открытый когда-то молодым теоретиком, стал не просто научным прорывом, а мостом между мирами, между эпохами, между судьбами.

И где-то в Кратово, на чердаке заброшенного сарая, старый датчик мигал в ответ, повторяя слова, начертанные рукой Димы: «Мы живы. Мы помним. Мы ждем».

Круг замкнулся. Но это был не конец. Это было начало новой истории. Истории, которую напишут те, кто придет после. Те, кто унаследует знание. Те, кто найдет дорогу между мирами.